

Светлана Комовичева

стихи и проза

Провинция

ZERO

Керчь
2012

Светлана Коношенко
ПРОВИНЦИЯ ZERO
стихи и проза

Керчь
2012

ББК - 84 (4 Крым. - рус.)
К 85

Светлана Коношенко

«Провинция ZERO». Стихи и проза.

«КГЛито «Лира Боспора» 172 стр. 2012 г.

Редактор А. Н. Вдовенко

Компьютерный набор: О. Недохлебова, Т. Левченко

Макет, корректор, дизайн: Т. Левченко

Фото на обложке: Людмилы Горбуновой, Виталия Урсу,
Валентины Березиной.

Вторая книга Светланы Коношенко наиболее полно представляет многогранность таланта автора. В издание включены как стихи, так и проза. Все произведения Светланы объединяет единая концептуальная линия, выражающая особенности философского мировоззрения поэта, прозаика, публициста.

ISBN 978-966-174-136-7

© «КГЛито «Лира Боспора» - макет, дизайн
© Коношенко С. А. - текст

Светлана Коношенко

Провинция
ZERO

стихи и проза

Керчь
2012

ПРОВИНЦИЯ СВЕТЛАНЫ КОНОШЕНКО

Светлана Коношенко - человек провинции. И там прошла большая часть её жизни. Сначала в таёжном забайкальском селе, где она родилась, теперь - в Крыму. Для больших городов и столиц она всегда была лишь гостем, случайным, недолгим. И эти города, в сущности, не оказали никакого заметного влияния на творчество и, что ещё более важно, на восприятие Светланой окружающего мира.

Именно провинция с её неспешностью и основательностью подарила автору крылья вдохновения и определила её путь в творчестве.

В наш суетный, суматошный век у Светланы находится время для писательской работы. Не много выходит из-под её пера, но всё, - и стихи, и проза, - чётко выверено, выстрадано душой. Как она сама пишет в предисловии к книге Марии Степановой «Вечерний свет» («Доля», Симферополь, 2008 г.): «Бесценный час вдохновения зачёркивает всё суетное: мелочи быта, ненужные споры, пустые обиды; эти бесценные мгновения затягивают все старые раны, возвращают молодость души и открывают человеку его истинное «я». И по-настоящему счастлив тот, кто способен подчинить вдохновение себе и стать с ним на равных».

Для крыльев вдохновения нет преград, а легко ли автору летается, - об этом сами за себя говорят её произведения.

Я желаю Светлане счастливых высоких и вдохновенных полётов по её удивительной, волшебной «Провинции ZERO».

*Алексей Вдовенко
Руководитель Совета «КГЛито «Лира Боспора»,
Член Союза российских писателей,
Союза русских писателей Восточного Крыма,
Международного союза писателей Крыма*

СТУХИ

И М Я

Укромный угол в памяти моей...
Моё второе имя там живёт,
Но только много - много тысяч дней
Меня никто так больше не зовёт.

За мною имя по пятам бредёт
Сквозь чащу лет, воспоминаний лес.
Оно в душе на цыпочки встаёт,
Пытаясь дотянуться до небес.

А звук его... Так жжёт язык огня
Так тень скользит под призрачной луной,
Так замирает на исходе дня
Последний луч, сплетаясь с тишиной.

Так просят пить, спекаясь на жаре,
От жажды пересохшие уста,
Так шелестит под ветром на заре
Тростник, который дудочкой не стал.

АННЕ

Время-пространство качается зыбкое,
В окна вползает рассветная тишь.
С необъяснимой печальной улыбкою
Ты со старинного снимка глядишь.

Эти глаза, эти брови и скулы,
Этот из прошлого брошенный взгляд...
Руки на спинке плетёного стула
Так безмятежно, спокойно лежат.

Снова душа моя плачет, не внемля
Здравому смыслу, теряя покой...
Неодолимая пропасть во времени
Нас разделила по граням веков.

Лет и мгновений немое скольжение,
Всё заносающий забвения снег...
Я в этой жизни - твоё продолжение
Через двадцатый стремительный век.

ИСТИНА

А может мы истину
 не там ищем?
А может напрасно
 рубим с плеча?
Ведь каждый повешенный
 всегда выше
Самого лучшего
 палача.

* * *

Время - песок.
Держу полные пригоршни,
но оно неумолимо
просачиваясь сквозь пальцы,
растекается по земле.

Оглянувшись, я вижу
на зыбкой поверхности
цепочку следов
от своих босых ног.

Я успокаиваюсь
и верю,
что смогу найти
д о р о г у о б р а т н о .

БЕЗ ОТВЕТА

Снег колючий по стёклам шуршит...
Что я делаю в этой глуши,
Под лучами скупого рассвета?
Остаётся вопрос без ответа.

Растворяюсь в безликой толпе...
Почему я по этой тропе
Тороплюсь в уходящее лето?
Остаётся вопрос без ответа.

Долго ль ветру свечу потушить...
Почему я на голос души
Налагаю безумное вето?
Остаётся вопрос без ответа.

ДУША

Клубясь в пространстве черном,
В небытие бессонном,
Где бесконечность лишь,
Томясь неясной жаждой,
На свет и звук однажды
Как птица полетишь...

Там - солнечные нити,
Там - новая обитель
Свою откроет дверь!
А что там за порогом?
Страшна усмешка Бога:
- Твоя обитель - ЗВЕРЬ...

КРЫЛЬЯ

О, как больно прорастали крылья!..
Страшно, словно два незваных гостя.
Лопались, как струны, сухожилья,
Обнажая выгнутые кости.

Не давая боли душу выжечь,
Принимал покорно Божью милость.
Крылья - значит небо будет ближе!
Крылья - значит... Только не случилось.

Не свершилось. Восходя витками,
Прямо к небу боль взлететь хотела,
Но застыла спрессовавшись в камень,
Придавивший немощное тело...

Если Божьей карою отмечен,
Впору взвить по-волчьи от бессилья...
Пусть зовут горбатым и увечным,
Он-то знает: это были крылья!

СТРОГАНОВКА

Елене Д.

Глины вязкой немая груды
На подносе лежит, как рок...
Это просто попытка трудо-
терапии. Первый урок.

И ладони берут несмело
Глину жёлтую по чуть-чуть.
Тихий ангел в халате белом

Гладит каждого по плечу.
Просит голосом он печальным
Вспомнить важное что-нибудь,

Предлагая начать сначала
В подсознание долгий путь.
Память холодом злым нахлынет,
Словно с жару да в полынью...

Из комка бессловесной глины
Каждый вылепит боль свою.
Просто вылепит всю изнанку
Не с обиды, не за гроши.

Как ни странно, но пальцы знают
Форму боли твоей души.
Так вот клин вышибают клином,
Чтобы выдохнуть и вдохнуть...

Поддаётся покорно глина,
Обретая и смысл и суть.
И творят, затаив дыханье,
Отрешась от сует и бед,

Строгановские Леохары
И Праксители наших лет.

ВЫШИВАЛЬЩИЦА БИСЕРОМ

Осияна светом законным,
От всего уже отдалена,
Вышивает женщина икону,
Бесконечной святости полна.

За стежком стежок ложится снова,
Чтобы ясный свет предугадать.
Тает россыпь бисера цветного
И нисходит Божья благодать.

В мир иной приоткрывая дверцу,
Тихо вышивает, не спешит.
Бисеринки - как осколки сердца,
Нити - словно лучики души.

* * *

Путь предначертан
и срок наш отмерян
В коем вершим
все земные дела.

И за таинственной
завтрашней дверью
Аннушка масло
уже пролила.

Ах, нерадивая
Аннушка эта,
Вечно спешащая
невесть куда...

Зябко дрожа
накануне рассвета
С неба готова
сорваться звезда.

ДВЕ СЕСТРЫ

Фортуна и Фемида - две сестры,
Как их противоречия остры!
Их не избегнуть и не побороть.
Две дочери - Судьбы единой плоть.

Ах, как легка Фортуна и быстра,
Беспечная везучая сестра.
В Садах Удачи позабыв про всё
Без усталости вращает колесо.

Фемида не сорвёт повязку с глаз,
И не заметит сестриных проказ.
Ведь таковы условия игры,
Но - до поры, лишь только до поры.

ВРЕМЯ РОЖДЕНИЯ

Посёлок Ключи. Золотая руда -
 страны надежда и свет.
Далёкий рудник - золотая беда
 послевоенных лет.
Таёжный распадок. Над скатами крыш
 в небо - столбами дым.
Меня от войны отделяло лишь
 восемь сибирских зим.
Вьюги еще за окном голосят,
 в душах не тает лёд.
Время рождения - март, пятьдесят
 третий суровый год.

ИМПЕРИЯ

*«Я люблю тебя, Империя!!..»
(А. Добрынин)*

Все мы родом из Империи,
И хотим, иль не хотим:
Все мы пёрышками - перьями
По ветру судьбы летим.

Время смутное и страшное
Нас пронзает, как стрела.
Всю-то нашу жизнь вчерашнюю
Ощипали догола.

Не пройдет и не излечится
Ностальгическая боль.
Это время переменчиво
Правит нашу судьбой.

Все мы - сироты Империи,
И бредём через года,
Средь развала и неверия
По дороге в никуда.

* * *

Вот опять в высоких кабинетах
Обновляют мебель и портреты.
И кипят невиданные страсти
В этих высших эшелонах власти.

Подавляет всех своим величием
Новый идол в ангельском обличье.
Как пророк он истины вещает,
Что-то там такое обещает...

И дают иллюзию надежды
Ангельские белые одежды.
Мы, конечно, в нём души не чаем,
Ничего вокруг не замечаем.

Суетимся радостно, по птичьей,
И клюём предложенные крошки,
Не увидев в ангельском обличье
Маленькие дьявольские рожки.

ИТОГ

Мечтал о тигре, а завёл - ката.
Мечтал о славе, а прожил - неслышно.
С ним тихо доживает век под крышей
Его неисполнимая мечта.

Хотел любви, да видно - проглядел.
Хотел цвести, а время - осыпаться,
И стало страшно утром просыпаться,
Чтоб окунуться в гущу нудных дел.

Он вечерами не спешит домой
Где - холод стен, невытая посуда,
Где на короткой финишной прямой
Немыслимо надеяться на чудо.

СТАЛКЕР

В. Бондаренко

Виновный без вины
 в случившейся беде,
Январский холод
 перепутав с летом,
Мой старый друг живёт
 в «кукушкином гнезде»
Считая бесконечные
 рассветы.

Он курит и глядит
 в ночную полутьму
Цветущего
 сиреневого мая.
И пишутся стихи,
 вплетаясь в тишину,
Но этот мир
 его не понимает.

Сияют миражи
 в безводности пустынь,
Глас вопиющего
 во тьме кромешной тонет.
Безжалостным огнём
 горит звезда Полынь,
Упавшая с небес
 в его ладони...

* * *

Т.А.

В мирах параллельных
мы строили замки и гнёзда,
Уют создавая
в пробитых навывлет сердцах.
И жадно вдыхали
тоскою настоящий воздух,
Глазами встречаясь,
но не узнавая лица.
... А ноги скользят
по раскисшей, растоптанной глине.
Из пропасти этой
вовек не дожидаться вестей.
Январское солнце
висит надо мной гильотиной,
И белые розы
распяты на свежем кресте.

* * *

Исполнен тишины
Сырой прохладный вечер.
Зелёный плащ весны
Мои укроет плечи.

Удача - вверх из рук! -
Летящей птицей станет.
Зелёный лес разлук
К себе на тропы манит.

Но, память бередя,
И растравляя душу,
Зелёный плач дождя
По всем дорогам кружит.

12 СЕНТЯБРЯ

М. Г. Степановой

Пахнет осеннею горечью,
Птицам к отлёту пора.
Как Вам, Мария Григорьевна,
В тех запредельных мирах?

В дальней небесной обители,
Где ни путей, ни дорог...
Узы, тончайшими нитями,
Рвутся в означенный срок.

Ах, как с судьбою Вы спорили!
Только обидно до слёз,
Что Вы, Мария Григорьевна,
Хлопнули дверью всерьёз.

Может у райского сада ли,
Или в аду - за грехи! -
Слушают черти и ангелы
Ваши земные стихи.

Пахнет осеннею горечью
Каждый сентябрьский рассвет.
Маша, Мария Григорьевна,
Воин, актриса, поэт.

СОРОК ДНЕЙ

К. Душкину

От горя никто не стонал, не кричал,
Лишь тонкая свечечка тлела...
Ютилось в костюме с чужого плеча
Такое невечное тело.

В нём целую жизнь обитала душа,
Как в клетке пленённая птица.
И только теперь все замки сокруша,
На волю она возвратится.

Ей сорок недолгих отпущено дней
Ещё оставаться меж нами.
И мечется в мире безмолвных теней
Души угасающий пламень.

За путь предстоящий в мирах неземных
Всей жизнью сполна заплатила.
И нас - равнодушных, жестоких и злых -
Душа пред уходом простила.

ОСЕНЬ

Струи дождя - это струны дождя.
Музыкой сердце моё бередея,
Осень берёт золотые аккорды,
И на меня так надменно и гордо
Смотрит, вдоль окон моих проходя.

Я вокруг пальца тебя обводила
И от огня твоего уходила
Столько счастливых стремительных лет.
Годы настигли и ты - победила.
В мире и в сердце - осенний рассвет.

* * *

За окошком - мокрый сад,
весь окутан тьмой.
Не успела написать
нужное письмо.

Не успела к той душе
тропку проторить,
Не успела за стихи
поблагодарить.

Мы порой беспечны все,
это - не со зла.
Закружили в колесе
вечные дела.

Локти нечего кусать,
прокляня весь свет.
Больше некому писать.
Человека нет...

РОЗА ДЕКАБРЯ

Спят деревья, покоряясь декабрю,
Тягостным медленным сном.
Наперекор, не по календарю
Роза цветёт под окном.

К ней полыхающей, алым дразня,
Даже декабрь не жесток.
Ветром подхвачен кусочек огня -
Нежный её лепесток.

Холодно. Слякотно. Ночью дожди
В окна стучатся из тьмы.
Это отсрочка. Ещё впереди
Все преступления зимы.

* * *

Я в зеркале вижу - старею, седею...
Вздыхаю, печаль затая.
Я скоро ровесницей стану твоею,
Ушедшая мама моя.

Когда я впервые сквозь детскую робость
Вздымала два юных крыла,
Какая бездонная страшная пропасть
Тогда между нами была.

Как тяжкие путы меня тяготило
Тепло родового гнезда.
Но всё понимая, ты всё мне простила,
Готовясь уйти навсегда.

И снова меня настигает тревога
Слияньем вины и беды,
Когда на моей безвозвратной дороге
Твои проступают следы.

* * *

Моим родителям

Окликну забывшись...
Да что ж я? Не надо.
Не будет ответа.
Так вышло, что ваши

Могилы не рядом,
Меж ними - полсвета.
Теперь разделяют вас
Годы и даты,

И разные страны.
За что мне, за что мне
Такая расплата,
Болящая рана...

Оттуда, куда
Ваши души взлетели, -
Ни слуха, ни вести...
Но может быть

В этих мирах запредельных
Вы - рядом, вы - вместе.

* * *

Брату Анатолию

Горит, освещая безмолвный прах,
Свеча в восковой руке...
Нас всех похоронят в чужих краях
От Родины вдалеке.

И Мойры единого дня не продлят -
Застопорит веретено.
А пухом ли, камнем - чужая земля,
Ушедшему - всё равно.

Мы - были. Мы - клан. Мы - единая суть.
Мы все - одного гнезда.
Вскипает, со дна поднимая муть,
Безжалостная вода.

Затопит спасенье узревший глаз
И боль разорвёт висок...
Бушующий шторм никого из нас
Не выбросит на песок.

И души покорно летят (не свернуть!)
На зов роковой трубы...
Я - всех проводившая в дальний путь -
Стою на краю судьбы.

ЭЛЬ-РИША

Над полуночной крышей
Для меня навсегда,
Полыхает Эль-Риша -
Золотая звезда.

Ночь висит чёрной глыбой,
Кружит звёздная вязь.
Под созвездием Рыбы
Я весной родилась.

Всё даровано свыше:
Слава, счастье, борьба.
Золотая Эль-Риша -
Тяжкий рок и судьба.

* * *

Как в вечном плену -
 в неизбывной тоске
Уставшее сердце моё
Воробышек серый
 сидит на руке,
Доверчиво крошки клюёт.
Клюёт торопливо.
 Он голоден был.
Дыханье своё затаю...
Вот также и я
 на ладонях Судьбы
Воробышком серым стою.

РОМАНС

Не спится опять
и еще далеко до рассвета.
В тягучую полночь
распахнуто настезь окно.
Иссушены губы
последней мелодией лета,
Но жажду легко
утолит молодое вино.

Мне птица ночная
о чем-то вещает из сада
Тревожно, призывно,
а мне в эту ночь всё равно.
Последнюю тайну
не выдам ни словом,
ни взглядом.
Ах, терпкое, злое,
совсем молодое вино...

Вчерашний мой день
для меня уже много не значит,
А завтрашний - где он?
Ведь там беспробудно темно.
Я только в с е г о д н я,
с е г о д н я ликую и плачу,
Люблю, обнимаю
и пью молодое вино.

* * *

*Все женщины по своей
сути ангелы, но когда им
обламывают крылья, они
летают на метлах.*

Быть ангелом - нелёгкая работа:
Давно мои обломаны крыла.
Стоит в углу, готовая к полёту,
Ещё вполне приличная метла.

В плаще из тьмы,
 под лунным медным оком
Я сквозь миры лечу на риск и страх,
Хоть знаю: ведьм сурово и жестоко
Во все века сжигали на кострах.

Но не страшась
 давнишних этих бредней,
Я приземлюсь на дальнем берегу,
И на костре любви своей последней
Сама себя безжалостно сожгу...

ПИГМАЛИОН

Обтёсывал, обкалывал
с уверенностью мастера
и по душе кровавящей
скользил стальной резец.

Прищурившись, выравнивал
изломанную линию,
углы, шероховатости
и грани - убирал.

Потом - рыдал и каялся,
что под его ладонями
не женщина, а статуя -
гладка и холодна.

ГАЛАТЕЯ

Звезды мерцанье в оконной раме,
В сиянье лунном холодный мрамор.
В тиши бескрайней обрывок стона:
Бессонны ночи Пигмалиона.
Измучен жаждой, истерзан мукой,
Шершавый мрамор ласкают руки...
Там - судьбоносно, неотвратимо -
На остром сколе так ощутимы
Нежнейшей кожи тепло и трепет,
Неясный шёпот, невнятный лепет...
Там - в ритме вихря, трёхдольным скерцо
В холодной глыбе стучало сердце.
За гранью жизни, во тьме, веками
Она дремала в плену у камня.
В плену холодной каррарской власти,
Не видя солнца, не зная страсти.
Резец, скользящий по очертаньям,
Снимал завесу прекрасной тайны,
Сквозившей в каждом изгибе тела...
О, Галатея, о, Галатея!..
...Года уходят во тьму бесследно.
Под этим небом, увы, всё тленно.
Луны осколок на небосклоне.
Бессонны ночи Пигмалиона
В холодных стенах пустого дома...
А Галатея?
Ушла к другому.

ЖЕНА

...И вышла замуж за палача
В неполных семнадцать лет.
Доверчиво спит у его плеча,
И варит ему обед.

Она рождает ему детей,
Не затевает ссор,
И протирает, чтобы блестел,
Тяжёлый его топор.

Скользит под пальцами остриё,
Чужая кровь горяча...
Трепещет от боли душа её,
Как на ветру свеча.

Молитву сложат её уста
Истово, горячо...
Подставит под тяжесть его креста
Худенькое плечо.

И ни к чему бывают слова,
А прошлое - прах и тлен,
Когда ложится его голова
На плаху её колен.

Когда за окном кричит вороньё
И холодом тянет с реки,
Гладят уставшие пальцы её
Седые его виски.

ЧУЖАЯ ДУША

Волны ночной истомы
Нам не дают уснуть...
В душу твою, как в омут,
Дозволишь ли заглянуть?

Не торопясь, вслепую,
Вброд по душе нагой.
- Что это? След от пули?
- Нет, от любви другой...

Вдоль по неделям длинным
Я наугад брела.
- Что это? Снег и иней?
- Просто зима была...

Но застилают тени
Крыльями белый свет.
- Что это? Боль и темень?!
- Дальше дороги нет...

* * *

Прохладней, туманней рассветы
И небо не той синевы...
Бессильно цепляется лето
За вялую зелень листвы.

Всё будет, всё будет, как прежде,
Судьба не верши поворот!...
Так в каждой травинке надежда,
Как выдох последний живёт.

ДАРЫ

В мире подлунном всё преходяще -
горькая истина дня.
«Бойтесь данайцев, дары приносящих». -
это уже про меня.

Неодолима такая преграда
и замыкается круг,
Если отныне ни мёда, ни яда
не принимаешь из рук.

Даже речей не дозволено боле,
только я зла не держу.
Всё, что принесено было с собою,
молча у ног положу.

Эту, пока бесполезную груду, -
пусть полежит до поры.
Может когда-то спасением будут
Эти - от сердца! - дары.

* * *

И этот день бесследно канет,
Пройдёт, растает без следа.
Зачем же нас друг к другу тянет
Сквозь одинокие года?

Невыносимо и тревожно
Следить, как тает вечный лёд,
Как в наших письмах осторожность
По краю пропасти идёт.

* * *

Мы счастья впрок и наперёд
У Бога не просили.
И самый лучший райский плод
Другие надкусили.

Сад духом яблочным пропах,
Сад истомился в зное.
Хрустело на чужих зубах
Такое наливное...

Кто виноват, что вышло так,
И чья была затея,
Что в нашем яблоке - червяк,
Молочный братец Змея.

НОЧНАЯ ЕВА

Внутри вещей второстепенных
Я на себя всегда похожа,
Когда чужого мира тени
Скользят по обнажённой коже.

Уверенно и без запинки
Ступаю по границе взгляда,
И в сговоре с Луной тропинки
Эдемского ночного сада.

Пройду бесшумно, незаметно.
В траве густой мой след утонет,
И плод, заведомо запретный,
Уронит дерево в ладони,

Заманчиво мне обещаю,
Что будет вечно длиться э т о...
... В свою реальность возвращаюсь
За полсекунды до рассвета.

* * *

Смотри, я просто кошка
Из старой детской сказки.
Хочу совсем немножко:
Внимания и ласки.

Я подкрадусь бесшумно,
Не шелохнув травинки.
Ты добрый, сильный, умный,
Погладь меня по спинке.

Я вся из ультразвука,
Я - рыжая игрушка!
Возьми меня на руки
И почеси за ушком.

В душе вздымает бурю
Твое прикосновенье,
А я, глаза зажмурив,
Расслаблюсь на мгновенье.

Когда ж моё урчанье
Достигнет высшей точки,
Я выпущу нежданно
Из лапок коготочки!..

Мы изменить не в силах
Звериный наш обычай.
Я просто кошка, милый,
А ты - моя добыча!

ДОМ

Ольге Н.

Пролетели неровным клином
Над прекрасно-постылым югом,
И - навстречу озёрам синим
И последним российским выюгам.

Резануло, как острой бритвой...
От курлыкканья сердцу больно.
Вновь напрасна моя молитва:
«Заберите меня с собою!..»

В те края, где за далью-былью
Мне с рождения всё знакомо.
Припорошены снежной пылью
Все тропинки к родному дому.

Он глядел мне вослед с укором...
Разве думал, что будет брошен.
Он - закрытый на сто запоров,
Пребывает в далёком прошлом.

В три ступеньки его крылечко.
Бьётся в окна холодный ветер...
Время лечит. Конечно, лечит,
Но не каждую боль, поверьте.

Не затынется, коль - навьлет...
Не успеется. Вышли сроки.
Режут воздух тугие крылья
По-над домом моим далёким.

* * *

Не спорила. И не мешала.
Внимала, слушая стихи.
Боготворила. И прощала
Вам Ваши мелкие грехи.

Во лжи и зле не уличала.
С годами в круговерти дней
Понять пыталась и прощала
Грехи уже куда крупней.

В клубок наматывались годы
И вот в один прекрасный час
Вы просто предали кого-то,
А я - оправдывала Вас.

А мне и горя было мало
Под сенью Вашего крыла.
Как долго я не понимала,
Что Вами предана была.

* * *

Из памяти твоей я ухожу
По-доброму: неслышно
и не больно.

Я по кругам души твоей кружу
Бесплотною, истаявшей
любовью.

Но вслушиваясь чутко в тишину,
Я на мгновенье
сердцем замираю,
И осторожно крылья подбираю
Боясь задеть твоей
души струну.

ЦАРАПИНА

*«Всеми виной царапина любви»
(С. Шелковский. сб. «Врата» г. Харьков.)*

Только царапина...
Ране кровавой не ровня.
Глянула пропасть
насмешливым оком бездонным.
Только царапина...
Ранит больнее шиповник
Спелые ягоды
не отдавая ладоням.

Но нарывало пространство
на сломе беспечного века,
Долгие дни превращались
в парад многоточий...
Звякало скальпелем Время -
искуснейший лекарь, -
И предлагало начать
ампутацию срочно.

Только царапина...
Как испытание доли.
Вечным последствием
той разыгравшейся драмы
Непоправимо остались
фантомные боли
И чуть заметный, как ниточка,
беленький шрамик.

СТЕНА

Что со мною? Что скажи со мною?
Почему так страшно сердце стынет?
Рядом за прозрачною стеною
Мир иной, неведомый донине.

Мир в котором ласковое солнце
И волна лазурная играет,
Только нет ни двери, ни оконца,
Лишь стена стеклянная без края.

Биться мухой об неё не надо
Исходя бессильем и тоскою.
Слишком быстро рухнула преграда
Под мою жаждущей рукою.

Обнимает плечи тёплый ветер,
Мир чужой не радует нисколько.
Мне теперь идти до самой смерти
Босиком по режущим осколкам.

* * *

За полночь гадаю, колдую, чтоб снова
Тебе на рассвете присниться.
По тихому свисту, по первому зову
Летит быстрокрылая птица.

Под цепкие лапы подставлю запястье
И крыльев коснусь осторожно.
Сознание силы, магической власти
Под пальцами - трепетной дрожью.

Я знаю, к рассвету истают все сроки,
И стану иная, другая...
А птица пока что рубиновым оком
Глядит на меня не мигая.

ПОЛНОЛУНИЕ

Заколдованная луна
Неизбывное мне пророчит...
Вместо нежного полусна -
Снова холод бессонной ночи.

Заглядевшись в печальный лик,
Ощущаю душой и кожей
Полнолуния страшный миг
Пробирающий аж до дрожи.

Молчалива и холодна
У коварной судьбы в неволе,
За окошком плывёт луна,
Как осколок вселенской боли.

СОН

Зелёный мрак,
 выползающий из
 глубины Вселенной,
 ледяными пальцами
охватывает сердце...
Зелёная луна,
 дробясь в настенном зеркале,
 тягучими каплями стекает
 на пол и образует
фантомное озеро...
Зелёный звук,
 соответствующий ноте «фа»,
 поднимается до
 немыслимых децибел
и я просыпаюсь...

ГОРОД

Смотрела, от солнца прикрывшись рукой:
Там утренний город за быстрой рекой;
Там птицы над ним расправляют крыла
И солнце его золотит купола.

Там звон колокольный плывёт в тишине.
Я въеду в тот город на белом коне!
Пусть годы потрачу, чтоб брод отыскать,
Но мне покорится однажды река.

Отпраздную в полдень победу
И весело дальше поеду.
Ни сил и ни лет не жалея,
Я ров крепостной одолею.

Пускай пролетит не один уже год,
Но вот я уже у заветных ворот.
И крик ликования летит из души,
Но стража ворота открыть не спешит.

В душе порождая смятенье,
Крадутся вечерние тени.
А месяц - знамением свыше,
И стук мой никем не услышан...

Когда же двенадцать на башне пробьёт,
Раздастся скрипенье тяжёлых ворот.
Окутанный мглою ночью,
Мой город лежит предо мною...

Он спит безмятежно, устав от забот.
Никто меня в городе этом не ждёт,
Не выйдет с улыбкой навстречу.
... И давят года мои плечи.

И тащится еле - не скачет -
Моя полудохлая кляча...
А кто-то опять за рассветной рекой
Взирает на город, прикрывшись рукой...

МОСТ

Вот и кончился этот мучительный мост
По-над пропастью, без перил.
Вот и свёрнут рулоном ещё один холст,
Размалёванный чернью чернил.

На его белизне - миражи, виражи,
Но моей в этом нету вины.
Чёрно-белые дни, чёрно-белая жизнь:
Просто не было красок иных.

Вот и всё. Под моими ногами земля
Так надёжна, прочна и тверда.
Только с шумом ворочая камни и злясь,
За спиною грохочет вода.

Этой речке неведомы сонная тишь,
Отражение неба и звёзд.
Не вернусь, не вернусь никогда,
только лишь
Оглянусь на темнеющий мост.

КЛЕНОВЫЙ ЛИСТ

Берёзы роняют листву тяжело,
о прошлом жалея.
Откуда, кленовый, тебя занесло
на эту аллею?

Кленовая роща - за тысячу верст,
в багровых отцветах.
Тебя кто-то в книге растрёпанной вёз,
да выдуло ветром.

И он тебя будет напрасно искать,
страницы листая,
Не зная, что участь твоя - улетать
с берёзовой стаей.

ОДНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

*«Я еврей только на одну
шестнадцатую...»
(из бесед с другом)*

Я в этой жизни - листок травы.
Вздохну устало:
Одна шестнадцатая в крови -
Как это мало.

Из бездны выйдя на вираже,
Один летаю.
Одна шестнадцатая - уже
Не примут в стаю.

В обетованном том далеке
Судьба что прячет?
Одна шестнадцатая в тоске
Болит и плачет.

Пьянящим выдержанным вином
В крови подвида
Одна шестнадцатая, но -
Звезды Давида.

Я с этим пунктом в моей судьбе
Навеки связан.
Одна шестнадцатая, тебе
Я всем обязан.

Что не воробышек был - орёл!
К далёкой цели упрямо брёл
Сбивая ноги,
Сжигая душу свою в огне...

Одна шестнадцатая во мне -
Как это много!..

ФЕВРАЛЬ

Я чувствую: воздух
 весенний налит тишиной,
А друг уверяет,
 что это ошибка, не боле,
Что сумрачно небо,
 что вовсе не пахнет весной,
И шарф поправляет
 на бедном простуженном горле.

Он лепит снежок
 и последняя зимняя дрожь
В горячих ладонях
 незримо и медленно тает.
Мой друг уверяет:
 «Ты просто быстрее живёшь,
И в этом всё дело,
 и в этом вся кроется тайна».

Мы весело спорим,
 но истины нам не сыскать
В смешении чувств
 и обыденной жизненной прозы.
Мне в сердце вселилась
 весенняя злая тоска,
А друг уверяет,
 что к ночи опять подморозит.

МИНДАЛЬ

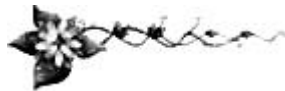
Чужой страны холодные туманы,
Чужих ветров пронзительная злость...
Орешек, затерявшийся в кармане,
Был мною в землю брошен на авось.

Надеялась и я: авось привыкну,
Коль шансов нет к обратному пути...
Орешек мой, к чужой земле приникнув,
Сумел в неё корнями прорасти.

А мне - не случилось. Не приемлет даже
Моих корней чужбинная земля...
Я с нежностью ладонью тихо глажу
Шершавый, тонкий стволлик миндаля.

Чужих колоколов чужие звоны
Давно отпели родину мою...
А он цветёт, шумит кудрявой кроной
И птицы средь его листвы поют.

Становятся скупей мои рассветы
И тяжелей планета под пятой...
А у него - все выше к небу ветви,
Всё слаще плод в скорлупке золотой.

* * *

Милый мой, отложи все дела.
По пригоркам брусника поспела.
Вереница гусей проплыла,
Как намёк на осеннее дело.

Милый мой, отложи все дела.
Я глазочек в окне продышала.
Посмотри, как зима побрела,
Снеговой уронив полушалок.

Милый мой, отложи все дела.
Я в апрель распахнула оконце.
Будет горница наша светла
От весеннего яркого солнца.

Милый мой, отложи все дела.
На печали и беды не сетуй,
Как бы жизнь не была тяжела.
...И проходит ещё одно лето.

АНГЕЛ

В предощущении - быть беде! -
Молилась, чтоб пронесло.
Ангел-хранитель не углядел,
Не защитил крылом...

Боль заливает остаток сил.
Палата белым-бела...
У изголовья ангел застыл:
Поникшие два крыла.

Сжался, ссутулился надо мной.
Горек потерянный взгляд.
Не убивайся так, ангел мой,
Ты же не виноват.

ОХОТА

В который раз на взлёте бьют!
Как поредела наша стая...
Но - улетаем! Улетаем!
Дробины мимо пропоют.

И тянутся нам вслед стволы
Безжалостные, из осоки...
Спасение - взлететь высоко!
Но крылья страха тяжелы.

И три собрата - три комка -
Летят на серебро залива...
А нам - везёт!
А мы - счастливей!
Нам пофартило на стрелка.

ПТИЦА

Вот и раны зажили.
Опробую скоро крыло.
Я давно позабыла
 тот выстрел и боль и ненастье.
За раскрытым окном
 по весеннему снова тепло.
Дверца клетки моей
 так призывно распахнута настезь.

До свободы теперь
 только шаг! Ещё миг подожду!
А потом - улечу!
В небесах бесконечных растаю.
За раскрытым окном,
 в расцветающем буйно саду,
Гомонит на ветвях
 соплеменников вольная стая.

Вы о чём? Вы о чём?
Я забыла ваш птичий язык,
И пугающей бездной
 качается синее небо...
За раскрытым окном
 отголоски далёкой грозы.
За спиною моей
 в клетке вдоволь и зёрен и хлеба.

ГОСТЬ

То мясом, то хлебом,
 то сахаром белым
Я волка кормила с руки.
Как было послушно упругое тело
И как осторожны - клыки.
Я в жёсткий загрибок
 ладонь зарывала,
Не чуя предвестья беды.
А снег заносил
 голубым покрывалом
Незванного гостя следы.
Но кто-то невидимый,
 вещий, печальный
Твердил за спиною слова:
«Зачем приручаешь?»
 Зачем привечаешь?
Пословица будет права...»
Пусть будет - что будет.
 Пословицы - враки.
Мы просто сидим у огня.
И взглядом добрейшей
 домашней собаки
Мой серый глядит на меня.

ВОЛЧИЦА

Реки обмелевшей прерывистый ропот,
Туман пеленой у воды...
На узких, в чащобе затерянных тропах,
Звериные тают следы.

Спокойно и тихо над волчьей норой,
Лишь птицы ночные кричат.
К соскам привалились сопящие трое
Слепых беззащитных волчат.

Весенние ночи так тёплы и сини,
И вдоволь хорошей еды.
И белая шкура у третьего сына
Пока - не предвестье беды.

НОЧЬ ЗВЕРЯ

Какая тишина...
Ты в ней буквально тонешь.
Безлуннейшая ночь ступила на порог.
Лишь дышит в темноте
Прирученный зверёныш,
Свернувшийся клубком внизу у самых ног.

Он будет подрастать
Со мной под сенью крова,
Ночами засыпать, прильнув к моей руке.
Мы станем понимать
Друг друга с полуслова,
Общаясь только на зверином языке.

Когда-нибудь потом,
С чуть видимой печалью,
Взглянувши на луну, застывшую в окне,
Неведомые нам
Чужого мира тайны,
Загадочные сны он вдруг расскажет мне.

И станет эта ночь
Последней ночью Зверя.
Он выберет иной, ему присущий путь.
И я в его глаза
Взглянув, открою двери,
И выпущу его на лунную тропу.

БЕЛЫЙ ВОЛК

Я - белый волк. Чужой для серой стаи,
Моей когда-то... Зряшно уповать.
Давно открылась истина простая:
Кто слишком бел - тому не сдобровать.

Я в зелени рискованно мелькаю
Своею шкурой - белой бедой.
Пока везёт - я избежал капканов
И промахнулся егерь молодой.

Хоть выпита до дна изгоя чаша,
От этой муки не сошёт с ума.
Как я ликую в облетевшей чаще:
Грядёт моё спасение - зима!

Сольюсь со снегом и беззвучной тенью
Я проскользну в зловещей тишине.
Мои собратья - серые мишени
На этой страшной, хрусткой белизне.

Пока судьба неспешно, благосклонно
Ведёт отсчёт моих звериных дней,
Я свято чту древнейшие законы:
Лишь тот живуч, кто злее и сильней.

Когда ж любовь мне в сердце постучится
И ночь зажжёт над логовом звезду,
Я серую красивую волчицу,
Я самую красивую волчицу
Из стаи непременно уведу.

СТАРЫЙ МУЗЫКАНТ И СОЛОВЕЙ

Он сказал: «Без музыки темно».
Распахнул в вечерний сад окно.
Перебил рулады соловья
Дребезжащий старенький рояль.

И звучал, звучал за ладом лад,
Наполняя музыкаю сад.
Подпевал из зарослей ветвей
Молодой счастливый соловей.

Соловей заглядывал в окно,
Понимал: без музыки темно.

ЗОВ

Почему так тянет к небу?
Почему так тянет к звёздам?
Пуще воли, пуще хлеба
Эта тяга.

Снова ночь в окно стучится,
А в ночи звезда лучится.
Может родом мы оттуда,
Человече?

Может это нас, пропавших
В бесконечной мгле вселенной
Всё зовёт нездешний голос,
Голос крови?

ДРИАДА

Мне можете не верить вы,
Но в гуще сада,
Среди корней, ветвей, листвы
Живёт дриада.

Она - из сказочной страны,
Из давних мифов.
Она, как эхо тишины -
Лесная нимфа.

Там солнце золотым лучом
Её ласкает,
Там изумрудный башмачок
Её мелькает.

Она кружится и поёт
В луче зелёном,
Укрытая от всех невзгод
Могучим клёном.

Когда ж последний лист с ветвей
На землю ляжет,
Как одиноко станет ей
Она не скажет.

И не разбудит тишину
Печалью слова.
Но тихо подойдя у окну
Я вижу снова,

Что, коченея под луной,
Из бездны сада,
Из черной ночи ледяной
Глядит дриада.

КОЛДУНЯ

Я просто доживаю век,
Свой век беспутный...
Не забредает на ночлег
Усталый путник.

Не подаю ему питьё
В горячей чаше.
Угрюмое моё жильё
В дремучей чаще.

Который год одна живу
В пустой печали...
Когда-то я разрыв-траву
Рвала ночами.

Когда-то, помню, до утра
Варила зелье,
Шептала страшные слова
Под старой елью.

Могла снимать и сглаз, и хворь,
Дарить напасти,
Наворожить успех, позор,
Беду и счастье.

Удаче сети расставлять
Могла умело,
И очернять и обелять
Любое дело.

В глухих ночах, при костерке,
В лесной ночлежке
Могла по картам и руке
Гадать с усмешкой.

Но, минула моя пора...
Гляжу с тоскою:
Уже слаба, уже стара,
Хочу покоя.

Не сторожу, не ворожу,
Поникли плечи.
У телевизора сижу
Я каждый вечер.

Чай со сгущенным молоком
В щербатой кружке.
... А Кашпировский с Чумаком -
Ну, просто душки!

НОЧНЫЕ РАЗМЫШЛЕНЬЯ КОРОЛЯ

Странные слухи...

Странные вести...

И шепоток на придворных устах.

Что-то неладно

у нас в королевстве:

Слишком глубоким стал юмор шута.

Каждое слово -

прицельнейший выстрел,

Рвущий на части дворца тишину.

Вот и вчера

усмехнулись министры

Шутке его про пустую казну.

Шут мой не ведает

мести и лести,

Но разговоры вокруг - неспроста.

Что-то неладно

у нас в королевстве...

Может в темницу упрятать шута?..

ПРИВИДЕНИЕ

В старинном замке за рекой,
Заброшенном и позабытом,
Гуляет ветер и скрипят
Всю ночь рассохшиеся двери.

Обходят замок за версту
И путники и житель местный.
Дурною славою давно
Овеяна сия обитель.

Там привидение живёт,
Ночной фантом и дух бесплотный...
То страшный крик, то горький стон
Из-за реки доносит ветер...

Иные видят смельчаки,
Таясь за цепкими кустами,
То в окнах блик, то огонь свечи,
Трепещущий на галерее.

И ни одной живой душе
Не ведома беда чужая.
О, если б догадался кто
Как привиденью одиноко

Средь каменных замшелых плит,
Обломков, хлама, паутины...
Который век свеча в окне
Гостей полночных приглашает.

Напрасен зов. Скользит в ночи,
Качаясь зыбко и неясно,
В полуразбитых зеркалах
Изломанное отраженье...

ОТРАЖЕНИЕ

Сижу, отрешась от дневных забот
В предсумрачной тишине.
Загадкой и холодом веет от
Зеркала на стене.

Оно отражает и шумный пир,
И в скуке зевающий рот.
Закрытая дверь в зазеркальный мир,
Вывернутый наоборот.

Мой каждый шаг и прожитый миг
Там в точности отражён.
Кривляется в зеркале мой двойник,
Миром иным окружён.

Мы в унисон говорим и молчим
И тащим одну беду.
Пока трепещет огонь свечи,
Мы с ним в полнейшем ладу.

Но вот - подступает полночный сон,
Затапливая постель...
Неведомо мне, что там делает он,
В призрачной темноте.

И когда разольётся воск по столу,
Затушив язычок огня,
Может он, прижимаясь лбом к стеклу,
Будет глядеть на меня.

ОГОНЬ

Огонь - окно
на стыке двух миров.

Огонь весёлых
праздничных костров,

Огонь гудящий,
бьющийся в печи,

Огонь печально
тающей свечи.

В необъяснимый
в мир иной окно.

Увидеть суть
не каждому дано.

Что там, за ним,
внутри того огня,
Дразнящего,
манящего меня?

Сжигающего
напрочь и дотла...

И всё ж на миг
увидеть я смогла,

Как в пламени
сияет бирюза:

У саламандры -
синие глаза...

ПРОРИЦАТЕЛЬНИЦА

Устав, присяду на траве
В тени дворцового величья.
Я - пришлая. Чужих кровей.
Не вашей масти и обличья.

Иная боль. Иная суть.
Груба одежда. Сбиты ноги.
Но - знаю Час. Но знаю - Путь
Там, где теряются дороги.

Я вижу завтрашний огонь
За чернотой вчерашней ночи.
Ложатся пылью под ногой
Моей века. Но не короче,

А всё длинней мой долгий путь.
То в зной, то ночью ледяною...
Я лишь присела отдохнуть
Здесь, под дворцовою стеною.

Там в окнах - праздника огни,
Пылает фейерверк над крышей.
Что сочтены веселья дни
Я знаю. Я молчу. Я слышу

Сквозь пышный и беспечный пир
Конца всё явственной звучанье.
Всё ближе мгла. Спасёт ли мир
Кассандры горькое молчанье?

БАБКА

Шустрая бабка,
 похожая чем-то на мышку,
Крепкая, хоть ей
 десяток восьмой отгудело,
Часто читала
 под вечер газеты и книжки,
Днём же она
 никогда не сидела без дела.

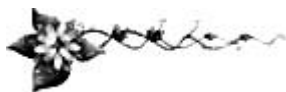
Воду для грядок
 носила от старой криницы,
Землю рыхлила,
 полола и что-то сажала.
Дети и внуки
 давно пребывают в столице.
Знамо не часто,
 но летом всегда приезжают.

Птицы щебечут
 в кустах законной сирени,
Пахнет на кухне
 корицей и свежеею сдобой.
Кружатся осы
 над розовой пенкой варенья.
Младшенький любит
 вишнёвое, с косточкой чтобы.

Мятой тянуло
из сада пронзительно остро.
Всё идеально -
не надобно ложе Прокруста.
Травку щипала
коза по прозванию Ностра,
Тайно мечтая
поесть огородной капусты.

В угол отставив
свою бесконечную пряжу,
К ужину бабка
лепила вареники с сыром.
Кот д 'Ивуар
на крылечке пиарился важно,
Очень довольный
его окружающим миром.

Бабка, делами
весь день предстоящий разметив,
Фото детей
перед сном осенит по привычке.
...Тявкили в будке
приблудные сукины дети,
Тоже надеясь
на очень красивые клички.

* * *

Казалось: лету нет конца.
Ничто беды не предвещало,
И солнце ярко освещало
Деревья, тропку у крыльца.

Но вскрикнет лето у окна,
Увидев утром изумлённо,
Что тайно зреет желтизна
В сплетении ветвей зелёных.

ДЮНА

«Пойду-ка я проветрюсь». -
сказала кошка Дюна.

Решила кошка Дюна
и вышла погулять.

Она еще не знала,
хотя подозревала,
что кто-то будет ночью
её сегодня ждать.

А ждал её усатый,
лохматый, полосатый,
красивый незнакомец
с соседнего двора.

Решил он ночью тоже
пойти-ка прогуляться
по тёмным закоулкам
до самого утра.

И он ей промурлыкал:
- Ах, дорогая киска,
зову Вас прогуляться
в весенний сад со мной.

Я Вам поймаю мышку,
я Вам поймаю птичку,
а после - полюбуемся
прекрасною луной.

- Ах, что Вы, что Вы, что Вы! -
 сказала кошка Дюна -
- Мы с Вами незнакомы,
 да и в саду темно...
Но, если ради мышки,
 но если ради птички...
Таких деликатесов
 не ела я давно.

Недели пролетели.
Вздыхает кошка Дюна,
 и смотрит кошка Дюна
 задумчиво во тьму...
Такие были мышки!
 Такие были птички!
Откуда взялись дети -
 никак я не пойму.

* * *

Тайну моей печали
Выведать - не спеши.
Ты поброди сначала
В рощах моей души.

Это - мои владенья,
Мой заповедный лес.
Здесь выбегают тени
Тропам наперерез.

В чаще, где ветер свежий
Листьями шевелит,
Ласковых птиц надежды
Только не подстрели.

Только не браконьерствуй
В рощах моей души.
И доверяю если -
Властвовать не спеши.

СОБАКА

Была у собаки хозяйка
с ласковыми глазами,
Весёлая, молодая,
такие-то вот дела.

И за неё бывало
лапу отдать не жалко,
И даже не только лапу,
и хвост бы отдать могла.

Был у собаки хозяин
справедливый и строгий.
Каждое утро - на службу,
иначе никак не мог.
Заслышав шаги за дверью,
собака ждала на пороге,
Тапочки приносила,
тихо ложилась у ног.

Была у хозяев собака,
старая, полуслепая.
На коврике у камина
лежала она все дни.
Ей улыбались оба,
за ухом её трепали.
Светились в глазах собачьих
жизни былой огни.

Она вполне понимала,
 что жизнь её на излёте,
И в голове собачьей
 грустная мысль жила:
«Если откину лапы,
 вы ж без меня пропадёте,
Вы же совсем как дети,
 Такие-то вот дела...»

ХАРОН

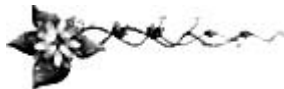
Привет, Харон! Ну как твои дела?
Передохни, на бережку присядем.
Клубится ночь в твоём тяжёлом взгляде:
Который век клиентам несть числа.

Оставь свой челн, прошу, повремени.
Успеют все они к вратам Аида.
Всё канет в Лету: страсти и обиды,
Счастливые и горестные дни.

Любой уход нам кажется - до Срока.
Вода у Леты - вкуса горьких слёз.
Здесь друг мой был по воле злого рока,
И ты его, как прочих, перевёз...

За чёрной Летой взгляд его и след
Растаяли, как призрачные тени.
А я - лишь гость твоих бессонных лет,
Твоих печальных сумрачных владений.

Мой срок неведом, но и я приду
В конце концов к печальной переправе,
Когда уронит Бог мою звезду
В горчащие некошеные травы.

СЕХМЕТ

(три возраста богини)

I

Ещё ей вдоволь бегать по лугам,
Ещё теплы родного дома стены,
И ластятся щенками клочья пены
К её босым и тоненьким ногам.

Еще вокруг неё весенний гам!
Войдут не скоро в детство перемены.
Она боится хохота гиены
И теней, что ползут по вечерам

Над ней, крича, летит вещунья-птица
К востоку, что, полнеба раскаля
Рождает день. И в зное всё томится,

И пряно пахнут травами поля.
Ещё узды не знает кобылица
И тайн полна прекрасная земля.

II

Жара и кровь струятся по лугам,
И рушатся незыблемые стены...
Бушует море и лохмотья пены
Как кружева, кладёт к её ногам.

Там, за спиной, разноязыкий гам,
Предательства, интриги, перемены.
Обличье львицы и душа гиены.
А всё ж - богиня! Но по вечерам

Она кричит, как раненая птица.
В её груди, всё сердце раскаля,
Любовь неразделённая томится.

И в сумерках в бескрайние поля
Её несёт стрелую кобылица,
Где кровью не обагрена земля.

III

Чужая юность скачет по лугам!
А ей - заботы и вот эти стены.
Ушли года - в песок ошмётки пены,
И непокорны лестницы ногам.

За окнами с утра базарный гам!..
Болят спина - в погоде перемены.
Соседки - языкастые гиены -
Судачат всё о ней по вечерам.

Всего полно: коровы, овцы, птица.
Богиня солнца, печку раскаляя,
Готовит суп. Он булькает, томится.

Засеяны пшеницею поля.
Объезженная внучкой кобылица
Копытом бьёт. В ответ звенит земля.

Сехмет (египет. миф.) - богиня Войны и раскалённого солнца.

САЛАМАНДРА

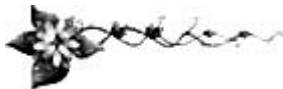
Безнадёжно-напрасны слова,
Быль и небыль так тесно сплелись.
Уложила в печурку дрова.
Разжигая огонь. Появись!

Как фантом, посреди тишины
Ты возникнешь, замрёшь на бегу...
Но твоей золотистой спины
Я коснуться рукой не могу.

Обжигая напрасно ладонь
О твою запредельную суть.
Приручить невозможно огонь,
Но возможно в глаза заглянуть.

Над тобою и мною один
Этой жизнью подаренный кров.
Мы с тобою из разных глубин,
Порождения разных миров.

Печь гудит. Сквозь века на меня
Саламандра глядит из огня.

СИНЯЯ ВАЗА

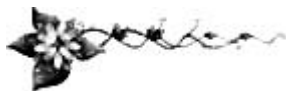
Ещё один день угасал в тишине,
К закату склоняясь устало,
А синяя ваза в пыли на окне,
Забывая всеми мечтала.

Судьбы своей вечной стеклянной раба,
В заоблачных грёзах витая,
Мечтала: не ваза она, а - труба
И звонкая и золотая!..

О, как ей хотелось в закатных лучах
Разливом мелодии вечной,
Над домом, над садом, над миром звучать
И души будить человечьи.

И звать, и вести за собой к доброте
Хотелось... Но больно и горько:
Сто тысяч мелодий живут в немоте
Стеклянного синего горла.

Шаги зазвучали предвестьем беды,
Запахло цветами и летом.
... В стеклянную вазу плеснули воды
И горло заткнули букетом.

ΠΡΟΖΑ

ПРОВИНЦИЯ ЗЕРО

(размышления лета 1999 года)

Когда-то поэт Иосиф Бродский написал замечательные строки: «Если выпало в империи родиться, - Лучше жить в глухой провинции у моря».

Первая половина фразы не вызывает никаких со-мнений и возражений, ибо все мы родом из бывшей Империи, и слова произносятся гордо, хотя и с некоторым ностальгическим оттенком. Что же касается продолжения мысли, то нейтрально-отдалённые преимущества провинции уже не воспринимаются в столь мажорном тоне.

Провинция, - это всегда раньше звучало благородно. Она предполагала долгожданное уединение, возможность размышлять, анализировать, читать всё на свете, творить и медленно аккумулировать в себе Нечто. В провинцию было хорошо возвращаться после путешествий, после столичных тусовок, после любовей и разлук, после всего-всего, зарываться в свою нору и блаженно отдыхать, зализывая душевные раны.

В провинции всё неспешно. Здесь нет присущей городам суеты и беготни, нет этого страшного людского потока в обе стороны, нет грохота, шума, скоростей и обвального потока информационного. Здесь слышно, как падает с дерева лист, как растёт

трава, здесь умиляет непосредственность отношений и бытует патриархальность нравов. И в сутках не двадцать четыре часа, а гораздо больше. Здесь хотелось работать, творить, писать, любить.

Провинция приносит реальное добро, если ты не ощущаешь себя провинциалом в худшем смысле этого слова, если ты не оторван от всего, что находится за её пределами, если тебе не надо выворачивать шею и вставать на цыпочки, пытаешься углядеть, и срывать голос, пытаешься докричаться.

Безмятежность убаюкивает, расслабляет, и однажды ты обнаруживаешь, что прозевал поворот, и бурное течение жизни вынесло тебя чёрт знает куда. И вместо привычных ориентиров - какие-то ёлки-палки и светила сомнительного происхождения. Милая сердцу, уютная тёплая провинция превратилась в бескрайнее, леденящее химерическое пространство. Аллегорическая картина в стиле Иеронима Босха.

Медленно, как на фотобумаге, начинают проявляться контуры страшной сути, пока лёгкие намёки на безысходность, в которую ещё не веришь, ещё несёт по инерции привычным течением. Одной рукой пытаешься грести, а второй - затыкаешь дыру в днище.

В фантастике есть такой термин: схлопывание пространства. Сжатие, уменьшение, стремительный провал в чёрную дыру, гравитационный коллапс. В одну из зимних ночей просыпаешься и обнаруживаешь себя пленником провинции. Всё! Схлопнулось! Чёрная дыра глядит неотвратимым оком.

Невидимые глазу стены и цепи держат сильнее реальных. Мир раскололся на «до» и «после», на

«там» и «здесь», и твоё лихорадочное барахтанье на поверхности мало кого волнует.

Неоткуда возвращаться к себе в провинцию, ибо изначально не на что выехать из неё. Впервые с ужасом обнаруживаешь, что многое в этой жизни зависит от состояния твоего кошелька.

Невозможно читать то, что хочешь, так как это теперь тоже относится к разряду дорогих удовольствий. Театр и кино остались за пределами твоих возможностей. Письма перлюстрируются, пропадают. Телефонный разговор пробивает в скудном бюджете ощутимую дыру.

Каждый второй по уши занят своими проблемами и просто не слышит тебя. От одной души до другой - миллионы световых лет, даже если двери на одной лестничной площадке. Катастрофически не хватает общения на своём уровне, этой переключки в одной системе знаков, понятий, эмоций. Блаженное уединение превращается в одиночество. И в завершение всего - не востребованность твоих возможностей.

Музыка, песни, картины, стихи - всё оказывается невостребованным, и нужно собственной головой про-бивать каменные стены, чтобы вырваться из плена провинции. Многим ли это удавалось? И какую нужно иметь голову?

Возраст уже за сорок, за пятьдесят, в сутках уже не двадцать четыре часа, а куда меньше, ничего не успеваем, время просачивается сквозь пальцы. Куда девать весь этот груз души, этот крик души, эти ноты, пейзажи, строки? Сколько человек может писать в стол без всякой надежды на чужое внимание и понимание?

Говорят, что не ко времени. Людям жрать нечего, промышленность агонизирует, медики с педиками бастуют, а вы тут со своими концертами, вернисажами, стихами лезете, о чём-то просите. Не ко времени. И не к месту, ибо там и своих полно, живая очередь на сто лет вперёд. Везунчики - счастливики. Кто-то без мыла пролез, кто-то успел в последний вагон заскочить.

Наша провинциальность - это уже не благодать, а вечное клеймо. И на этих задворках жизни всего лишь шаг до духовной деградации.

Нас много, но мы не нужны этому государству. Пока или Совсем не нужны - это не столь существенно, так как эти понятия не абсолютны, а относительны. И кто знает, может быть, каждый погубленный этой не востребованностью, унесёт с собой в мир иной гораздо больше, чем успел создать при жизни.

Помните, в фильме «Город Зеро», что сказал мальчик главному герою: «Вы никогда не уедете из этого города».

«СВЕТ МОЙ, ЗЕРКАЛЬЦЕ, СКАЖИ

Неделю назад Григория Буркина уволили по сокращению штатов, честно предупредив его заблаговременно, за два месяца, но при этом не предложили ни-чего взамен. Ничего такого, на что бы он согласился хотя бы ради денег.

Целую неделю Буркин находился в странном оцепенении. Обрушился, рассыпался в прах основной стержень его двадцатилетней рабочей жизни в КБ, где упорный Григорий дотянул уже до звания ведущего инженера-проектировщика. С утра до вечера он валялся на диване, пробуя читать, но застревал уже на второй странице книги. Газеты были скучны, телевизор и вовсе раздражал.

Жена Клава и дочь Машка к ситуации относились с пониманием и особенно Буркина не тревожили, позволив ему в полной мере предаваться скорби. Между прочим, Клава не особенно и расстроилась, когда он сообщил ей о предстоящем увольнении. «Устроись куда-нибудь», - сказала она тогда и привела ряд примеров из жизни их общих знакомых. Иванов теперь из заграницы не вылезает, у Петрова - хоромы в самом престижном районе города, а Сидоров вообще на «Мерседесе» раскатывает. А ведь кем они были до того?

За границу Буркина не тянуло, нынешняя трёхкомнатная квартира (Царствие Небесное тёще,

она помогла) вполне устраивала, а что касается средства передвижения, то надо заметить, что за рулём он отродясь не сидел, разве что в детстве, на велосипеде.

Григорий Буркин был трудолюбив, упорен, честен, справедлив до одури, но совершенно безволен и беспомощен, когда перед ним возникало некое неодолимое препятствие, когда возникшая ситуация нарушала привычный уклад и ритм жизни. Тогда Григорий впадал в тихую панику, потом в депрессию, он даже не пытался противиться обстоятельствам, а ментально покорялся судьбе, в любой момент был готов уйти на дно, пуская пузыри. И если бы не Клава... Клава с такой лёгкостью улаживала все буркинские проблемы, Клава была той надёжной стеной, за которой он всегда мог отсидеться в ожидании лучших времён. И поэтому, страдая на диване, Григорий в глубине души был уверен, что жена, как всегда, найдёт выход, и если она пока ещё позволяет ему скорбеть с утра до вечера об утраченной работе, значит, время ещё терпит.

Буркину было немного страшновато. Он больше ничего не умел делать, но понимал, что настанет тот чёрный день, когда Клава поднимет его с дивана и отправит... боже мой, но куда? В прачечную? Но почему в прачечную?..

- Ну, ты что, не слышишь? - жена стояла на пороге комнаты, держа в руках квитанции. - Сходи, пожалуйста, в прачечную и заberi бельё, а нам с Машкой надо собираться.

Клава и Машка уезжали завтра утром: Машка в летний лагерь, а Клава - на недельку к сестре в деревню.

Сохраняя на лице печальное выражение, Буркин оторвался от дивана и начал собираться в прачечную.

В троллейбусе ему удалось устроиться у окна. Он сел, поставил себе на колени пустую огромную сумку и тут же ощутил на себе чей-то пристальный взгляд. Григорий поднял глаза.

Напротив него сидела маленькая сухонькая старушонка, ну, вылитая Шапокляк из мультика. Она смотрела на Буркина пристальными светленькими выгоревшими глазками и усмехалась.

Григорий поёжился. И чего она уставилась? Вроде бы незнакомы. Он скосил глаза и осмотрел себя: вроде бы и с одеждой всё в порядке. Может, на лице что? Буркин машинально провёл ладонью по лицу. Точно, что-то на лице. Потому что Шапокляк с той же усмешечкой протягивала ему зеркальце. Посмотришь, мол.

Буркин взял зеркальце и поднёс к лицу. Из глубины на него смотрела его печальная и немного удивлённая физиономия. Удивлённая, потому что ничего такого особенного и лишнего у него на лице не было. Он не спеша, внимательно несколько раз осмотрел себя и остался вполне доволен. Бабуле явно что-то померещилось.

Григорий протянул зеркальце владелице, но старушки уже не было. На её место усаживался полный мужчина, обвешанный сумками и пакетами. Троллейбус тронулся, и Буркину показалось, что за окном мелькнула его странная попутчица.

«Забыла, - подумал, сам себя успокаивая. - Зеркальце - пустяк. Не жалко». Он сунул зеркальце в карман куртки и забыл о нём.

Утром Буркин проводил на вокзал жену и дочь, посадил на поезд и помахал рукой удаляющемуся вагону. А когда полез в карман за сигаретами, то неожиданно наткнулся на старушкино зеркальце. А, чёрт! Забыл. Надо было Машке отдать, пусть в лагере на себя любитесь: свет мой, зеркальце, скажи... ладно, отдам, когда вернётся.

Лежание на диване срочно отменялось, поскольку не имело смысла в отсутствие зрителей и сочувствующих, и к тому же, нужно было приводить в порядок квартиру и сделать ряд дел, включённых Клавой в список срочных и неотложных.

Всё горело в его руках, и к обеду Буркин навёл порядок во всех комнатах, помыл посуду, починил кран, прибил вешалку, отремонтировал фен, сбегал в магазин и переделал ещё кучу всяких мелких дел, до которых всё не доходили руки. Когда делать стало уже совсем нечего, он вдруг опять вспомнил о старушкиной вещице.

Взял в руки зеркальце и начал его внимательно рассматривать. У него была необычная оправа: тонкое ажурное серебряное кружево окаймляло маленькое стёклышко. А с тыльной стороны на серебряной поверхности был выгравирован красивый изящный узор из листьев и цветов. Зеркальце, судя по виду, было старинным и может быть досталось старушке от какой-либо её прапрабабушки. Буркин опять ощутил укол совести оттого, что нечаянно лишил старушку ценной семейной реликвии. А с другой стороны, если

бы вещь была ей столь дорога, то она бы не оставила её в руках незнакомого человека.

Маленькое зеркальце лежало на ладони, и Буркин ощущал его приятную прохладную тяжесть, а в голове возникли знакомые с детства строчки: «Свет мой, зеркальце, скажи, да всю правду доложи...» Григорий медленно положил зеркальце на тумбочку возле Машкиной кровати.

Потом было несколько совершенно однообразных и унылых дней, в течение которых Буркин хоть и продолжал лежать на диване с книгой, но вдруг обнаружил, что появилось какое-то странное ощущение дискомфорта, отнюдь не связанное с мыслями о потере работы. Это было что-то необъяснимое и тревожное.

В конце концов, он поймал себя на том, что по нескольку раз в день заходит в комнату дочери, чтобы взглянуть на зеркальце. «Это меня мучает совесть, - догадался он. - Чужая вещь». И Григорию очень захотелось найти старушку, хотя он понимал, что сделать это в их огромном городе непросто.

Он опять, уже в сотый, наверное, раз осмотрел зави-тушки в оправе и орнамент на тыльной стороне, и вновь ощутил, как поднимается в нём волна беспокойства.

В кухонном шкафу у Буркиных ещё с майских праздников стояла початая бутылка вина, и вполне могла достоять до Нового года, так как Григорий к этому делу был вовсе не расположен, но сейчас он решил немного выпить, чтобы хоть как-то снять это тревожное состояние. Знакомые уверяли, что алкоголь иногда помогает.

Он прислонил зеркальце к стоящей на кухонном столе сахарнице, погасил сигарету и полез в шкаф.

Хрустальная рюмка с рубиновой жидкостью отражалась в зеркальце.

- Свет мой, зеркальце, скажи... - произнёс Буркин и, подняв рюмку, легонько чокнулся с зеркальным отражением.

Дзи-ин-нь! - раздался протяжный мелодичный звон, и поверхность зеркальца затуманилась. «Разбил! - испуганно подумал Буркин. - такую вещь сломал...» Он торопливо отставил в сторону рюмку с вином и тут только увидел, что рюмок на столе - две: одна - оставленная им, и вторая - невесть откуда взявшаяся. Даже по забывчивости, даже в полной рассеянности он не мог наполнить вином две рюмки, поскольку таких именно, хрустальных, у них в доме была всего одна. Чудом сохранившаяся ещё со свадебно-подарочного времени.

Буркин осторожно взял в руки вторую рюмку. Такая же! Тот же узор. Понюхал. Пахло вином, хотя и не совсем таким же. Обмирая от страха, он пригубил напиток. Несомненно, это было такое же вино, как и в бутылке, но вот странный неуловимый привкус... Ему показалось, что этот привкус даже добавляет пикантности в привычные вкусовые ощущения, для сравнения, отхлебнул из своей рюмки. Разница незначительная.

Увлечённый дегустацией, Буркин не заметил, как зеркальце обрело первоначальный вид. Теперь в нём отражались две рюмки и часть изумлённой буркинской физиономии.

«Бред какой-то! - подумал он, восстанавливая в памяти последовательность событий. - Ещё раз попробовать, что ли?»

Он взял в руки свою рюмку и со словами «Свет мой...» коснулся хрусталём зеркальной поверхности. Снова раздался протяжный мелодичный звон, затуманилось зеркальце, а на столе перед Григорием появилась новая рюмка.

Остановился Буркин только тогда, когда весь стол оказался заставлен хрустальными рюмками с вином. А поскольку он, хоть и понемногу, но всё же дегустировал содержимое каждой появившейся, то к концу эксперимента почувствовал себя совсем плохо. Его мутило и хотелось спать. С трудом Григорий выбрался из-за стола и, хватаясь за стены, побрёл в спальню, справедливо полагая, что это всё - бред, и когда он утром проснётся, то ничего этого уже не будет, и вообще...

Утром измученный Буркин с удивлением созерцал кухонный стол, уставленный невероятным количеством рюмок с вином. Он пересчитал: оказалось пятьдесят шесть. Воспоминание о вкусе и количестве выпитого накануне повергло Григория в ужасное состояние, и он еле добежал до заветной двери.

Через полчаса бледный, взъерошенный, с мокрыми волосами, Буркин снова появился в кухне. Борясь с отвращением, перелил вино из рюмок в трёхлитровую банку и, закрыв её крышкой, поставил под стол. Затем вымыл и тщательно вытер все рюмки, одну из них поставил в шкаф, а остальные пятьдесят пять аккуратно уложил в картонную коробку и поставил тоже под стол. Зеркальце он не трогал, оно

по-прежнему стояло на столе и весело отражало буркинскую кухонную суету.

Приготовив обед, пропылесосив комнаты, постирав рубашку и наведя порядок на антресолях, Буркин принял душ и, усевшись в кресле, попытался почитать газету. Ничего не вышло, буквы не складывались в осмысленные строчки, и он понял, что отныне ему не будет покоя. С обречённым видом Григорий поплёлся на кухню.

На сей раз он действовал осторожно, предусмотрительно, не поддаваясь эмоциям. Зеркальце сделало ему пару чайных ложечек, восстановило чайную чашку из сервиза, которую он разбил несколько дней назад, и сотворило целую кучу гвоздей. Гвозди Григорий намеревался использовать на ремонте дачи. Зеркальце безотказно удваивало и спичку, и сигарету, и бумажный шарик, и зубную щётку.

И тут до Буркина начала доходить вся серьёзность создавшегося положения. Он поймал себя на мысли, что ему уже не хочется отдавать зеркальце законной владелице и что, обладая этим странным зеркальцем, он имеет неограниченные возможности, нужно только с умом всё это использовать. И не делать глупости, как вчера. Он посмотрел под стол, на картонную коробку с рюмками. От них необходимо побыстрее избавиться, но не разбивать же их, на самом деле. Две лишние ложечки вряд ли привлекут внимание жены, у них этих ложечек... И гвоздями Клава тоже не интересуется.

Из этих размышлений само собою следовало, что ни жену, ни дочь Буркин не собирался посвящать в тайну своего волшебного зеркальца. Женщины во-

обще чересчур болтливы, и не преминут похвастаться, а Машка и вовсе по глупости, как ребёнок, может проговориться. Может, попозже, со временем, в зависимости от того, как будут идти дела.

В сумерках Буркин вышел из дома, бережно неся перевязанную шпагатом коробку с хрусталём. В переполненном троллейбусе он поставил коробку на пол и незаметно задвинул ногой под сиденье. На первой же остановке он вышел с чувством облегчения, ощущая себя миллионером, сделавшим кому-то небольшой, но приятный подарок.

Возвращаясь домой, Григорий тщательно обдумал все детали предстоящего серьёзного дела. Попутно было решено завтра же купить какую-нибудь хорошую шкатулочку, устелить её внутри толстым слоем бархата и хранить зеркальце именно там. Оно этого вполне заслуживает.

Заканчивая последние приготовления в зале, Буркин волновался до дрожи в руках. Он плотно задёрнул портьеры, убрал со стола вазу с цветами и, бережно протерев поверхность зеркальца, положил его на середину полированного стола. Было страшно, но он понимал, что когда-то же нужно начинать.

Он достал из шкафа заранее приготовленную новенькую стодолларовую купюру, почему-то шёпотом произнёс заклинание и уголком её коснулся зеркальца.

Зазвенело... Затуманилось...

Рядом с зеркальцем на поверхности стола появилась купюра. Буркин осторожно взял её в руки и похолодел: это была зеркальная копия с перевёрнутым изображением. Странно и загадочно выглядели

цифры и буквы. Григорий уже всё понял, но машинально попробовал ещё раз. Ещё одна перевёрнутая купюра легла на стол. Это было крушением всех его надежд.

Буркин долго сидел в оцепенении, глядя на деньги, и вдруг его осенило. Если рассуждать логически, то такая «перевёрнутая» купюра, отражённая в зеркале, даст правильное изображение. Он поднёс купюру к зеркальцу и произнёс заветные слова. Зазвенело, но Буркин увидел, что в руках у него ничего нет. «Ушла обратно», - подумал он. Вторая купюра после заклинания вернулась в своё таинственное зазеркалье. И Буркин понял, что созданные зеркальцем копии не годятся для тиражирования. Они просто возвращаются обратно.

Финансовые эксперименты были закончены. И уже просто ради любопытства он коснулся зеркальца газетой и томиком стихов. Потом долго сидел, вглядываясь в перевёрнутые буквы, пытаясь прочесть текст. Вскоре книга и газета вернулись в зазеркалье.

Буркин понял, что невозможно воспроизвести ничего такого, что было бы связано с цифрами и буквами: часы, книги, пачка сигарет, тюбик крема, флакончик духов. Правда, сигареты можно переложить в настоящую пачку, а с флакончика духов соскоблить этикетку, но это казалось уже скучным и неинтересным.

И мужская куртка на пуговицах после заклинания выдаст копию, но уже с женской застёжкой, наоборот. И рубашку не сделаешь. Разве что свитер. Или шапку. Или ботинки, носки, майку. Колготки жене. Бутылку вина. С которой потом отскрести эти-

кетку, чтобы не привлекала внимания. Воспоминание о вине заставило Буркина поёжиться, и он торопливо переключился на продолжение мысленного ряда предметов, годных к удвоению. Набиралось не так уж мало. Но ведь от жены не скроешь появление даже пары носок, а витиеватые отговорки она может истолковать превратно и дело может кончиться печально. Уж лучше всё рассказать ей. Клава - женщина практичная и сразу сообразит, как наиболее выгодно использовать волшебную силу зеркальца.

Банка рыбных консервов с перевёрнутой этикеткой смотрелась загадочно, а содержимое, хоть и имело странноватый привкус, в целом почти не отличалось от натурального. Григорий съел консервы, содрал и сжёг бумажную этикетку, а банку смял так, чтобы не были видны вытесненные на крышке странные цифры. Вот так теперь всю жизнь тайком, уничтожая после себя все улики, постоянно оглядываясь и опасаясь.

Но для чего-то же старушка дала ему это зеркальце и, несомненно, она знала о его волшебных свойствах. Мнительный Буркин готов был усмотреть в этом некий знак судьбы. Нечто вроде испытания духа.

До приезда Клавы оставался один день, и Григорий посвятил его самым важным, по его мнению, экспериментам. Он сбегал в магазин и накупил там понемногу всяких продуктов. А потом подносил к зеркальцу то лук, то яблоко, то хлеб. На вид «зазеркальные» продукты ничем не отличались от натуральных, разве что вот этот странный привкус, кото-

рый, впрочем вовсе не мешал и не вызывал неприятных ощущений.

«Ничего страшного, - подумал Буркин, дожёвывая зазеркальный бутерброд. - К привкусу мы привыкнем, а вот на продукты тратиться почти не придётся. И на вещи кое-какие. И на мебель, - он оглядел комнату и взгляд его остановился на ковре, висящем над диваном. - И это - тоже. У Машки будет отличное приданое».

Буркин поймал на окне муху и, аккуратно держа её двумя пальцами, поднёс к зеркальцу. Дзи-и-инь! Материализовавшаяся муха потёрла лапки, погладила свои крылышки и полетела к окну. Григорий разжал пальцы, и первая муха тоже устремилась к солнечному свету. Несколько секунд они упорно бились головами о стекло, а потом, словно стоворившись, обе вылетели в открытую форточку, оставив Буркина в полном смятении. Он не ожидал, что зеркальце воспроизводит живые существа, и это вносило некий риск в пользование этим волшебным предметом. Ведь если при произнесении заклинания он даже случайно коснётся пальцем поверхности зеркала, то... Григорий осознал, насколько он был близок к этому, когда так неосторожно подносил к зеркальцу что-то и пальцы вполне могли коснуться...

Появление второго Григория Буркина не входило в его планы. Ну, во-первых, что скажет Клава, увидев мужа в таком странном количестве, а во-вторых, неизвестно, как поведёт себя двойник в данной ситуации и удастся ли его возвратить обратно в Зазеркалье. А вдруг он не захочет этого делать и пожелает остаться.

Теперь Буркин боялся лишний раз прикоснуться к зеркальцу. Он отыскал среди Машкиных безделушек круглую жестяную коробку из-под монпансье, устелил дно толстым слоем ваты и положил туда зеркальце. Коробку он поставил на самый верх кухонного шкафа.

Но опять же, когда стемнело, Буркин вышел из дома, решившись на проверочный эксперимент. Через полчаса ему удалось подманить к себе колбасой какого-то кота. Левой рукой Григорий подкладывал коту кусочки колбасы, а правой торопливо доставал из кармана зеркальце.

Два кота с шипением уставились друг на друга, вздыбливая шерсть и выгибая спины. Буркин кинул котам остатки колбасы, спешно упаковал зеркальце и бросился бежать. Коты перешли на злобный высокий вой, который сопровождал его до самого подъезда.

Григорий был очень удивлён, когда вечером следующего дня увидел в дверях вместе с возвратившейся Клавой и Машку. На его молчаливый вопрос дочь ответила, что в лагере ей было скучно, и она на второй день сбежала оттуда в деревню, но в деревне тоже было скучно, и поэтому она решила вернуться в город. Насчёт неиспользованной путёвки он пусть не волнуется, мама всё уже уладила, на что Клава лишь молча кивнула. Машка взяла из вазы зазеркальное яблоко и, надкусив его, отправилась в свою комнату.

Клава разгружала сумки с деревенскими гостинцами и рассказывала мужу тамошние новости, перемежая их приветами от многочисленной родни, а Буркин сидел напротив, по-бабьи подперев подборо-

док рукой, и думал, как они теперь хорошо и безбедно будут жить.

Жена была переполнена впечатлениями от поездки, и он решил отложить разговор на завтрашнее утро.

После ужина Григорий расположился в кресле у телевизора в предвкушение футбольного матча. Клава возилась на кухне, а Машка собиралась на дискотеку.

Вдруг какая-то неясная тревога задела Буркина своим крылом, какое-то дурное предчувствие повеяло холодом, когда он вспомнил, что жестяная банка с зеркальцем лежит на кухонном шкафчике. А Клава, наводя порядок, непременно обратит внимание на эту вещь, которой совсем не место на кухне, и чего доброго, выбросит в мусоропровод.

Буркин пулей сорвался с кресла. То, что он увидел в прихожей, превзошло все его ожидания и повергло в дикий ужас.

Разряженная Машка подкрашивала губы, глядясь в его зеркальце, а рядом на трельяже стояла раскрытая коробочка. Машка весело напевала: «Свет мой, зеркальце, скажи...» и её конопатый носик почти касался зеркальной поверхности. Буркин, обмирая от ужаса, заорал не своим голосом:

- Маша! Прекрати!..

Машка от неожиданности вздрогнула и выронила из рук зеркальце. Буркин словно в замедленном кино видел, как оно, плавно переворачиваясь в воздухе, приближается к полу, касается его и медленно разлетается на мелкие кусочки.

- Ну вот, - сказала Машка. - Зеркальце разбилось. Кричать-то зачем? Что я такого сделала?

Буркин встал на колени и принялся собирать с полу осколки.

- Что происходит? - в дверях появилась Клава.
- Чего ты кричишь?

- Ничего, - сказал Буркин. - я правильно кричу. Ей ещё рано красить губы.

- Маша, - устало сказала Клава, - ты опять надела мои колготки.

- Ну, мамусик, мои уже совсем драные, ну, пожалуй-ста, я аккуратненько... - заканючила Машка привычно.

Клава вздохнула и, обращаясь к мужу, спросила:

- Гриша, а откуда у нас там целая банка вина?

САНДУ

Мы с внучкой Катей с самого утра гостили в деревне у родственников и сейчас довольные и переполненные впечатлениями возвращались домой в город. Багажник нашей машины был под завязку набит всякими деревенскими гостинцами, а на заднем сиденье стояла огромная коробка из-под телевизора, наполненная румяными яблоками. Они источали такой густой аромат, что его не мог вытянуть даже сквознячок, проникающий поверх полуопущенных стёкол.

Завтра Яблочный Спас. Завтра мы с Катей уложим в плетёную корзинку самые красивые, самые румяные и поедем в храм. И пока мы будем заниматься таким ответственным делом - святить яблоки, - Катины мама и бабушка, а мои невестка и жена, напекут вкусных пирогов, вечером приедет из командировки Катин папа, он же мой сын, и мы устроим настоящий семейный праздник.

Деревня осталась позади и почти скрылась за берёзовой рощицей. Мы объезжали по грунтовке затянутый ряской пруд, когда раздался отчаянный крик внучки:

- Дед, стой!.. Ну стой же!..

- Что такое? Что случилось? - обеспокоенно спросил я, резко нажав на тормоз. А внучка, не об-

ращая на меня внимания, уже открывала дверцу. Через пару секунд она бежала назад по дороге.

Остановившись у обочины, Катя наклонилась, осторожно раздвинула руками высокую траву и побежала обратно, что-то прижимая к груди. Она остановилась передо мной в явной нерешительности.

- Что ты там нашла? - спросил я.

- Дед, ну пожалуйста... - жалобно протянула она.

- Давай показывай находку!

- Вот... - прошептала она, отнимая от груди руки.

Что-то маленькое, серенькое, пушистое копошилось в её ладошках и слабо попискивало. На мгновение блеснули голубые искорки глаз.

- Что это? - машинально спросил я, уже догадавшись.

- Это... вот... ну, дед, пожалуйста... - глаза внучки были полны слёз и голос срывался. - Его просто выбросили, а он маленький и не умеет ловить мышек, он совсем пропадёт...

Я просто не ожидал такого поворота событий и не знал, что ответить.

Пауза затягивалась. Внучка смотрела на меня просительно, терпеливо, и я махнул рукой.

- Залезайте!

- Дед, ты самый лучший на свете! А бабушку я уговорю, и мама согласится, и папа всё поймёт... - счастливо лепетала она, устраиваясь на заднем сиденье.

Котёнок вдруг размяукался. Катя попыталась успокоить его поглаживаниями, но это не помогло.

- Он, наверное, кушать хочет, - догадалась она.
- Дед, а ведь у нас в багажнике целая банка молока!

- А во что нальём? - повёл я глазами по салону в поисках чего-либо подходящего.

- В крышечку!

Видели бы мама и бабушка, как мы поили котёнка из капроновой крышки! Малыш лакал неумело, жадно, захлёбываясь. Он чихал, кашлял и снова лакал. Белые брызги летели на Катины новые джинсы, но она не замечала этого.

- Дед, - Катя подняла на меня глаза, - а ведь завтра Спас! Вот мы его и спасли.

Утолив голод, котёнок стал крохотным розовым язычком вылизывать серенькую лапку.

- Ну, всё, пора ехать, - сказал я, поворачивая ключ зажигания, - нас уже заждались дома.

Машина ходко побежала по дороге. В зеркало заднего вида я поглядывал на внучку, на пушистый комочек в её руках. Тёмная удушливая волна поднималась из глубин памяти, словно отбрасывая меня на многие годы назад, в одно из далёких лет моей молодости.

Санду пропал утром.

Мне не забыть, как я проснулся от шума и грохота. Взхлёб лаял соседский Шарик, оглушительно свистели птицы в саду, и, казалось, совсем над ухом у меня трещал мотоцикл рокера Севкина. «Не дадут поспать», - раздражённо подумал я, натягивая одеяло. Было ещё только шесть утра. Но чем это пахнет в комнате? И почему такие громкие зву-

ки? Я вдохнул поглубже. Пахло сиренью. Дверь в спальне была полуоткрыта, и я, сев на кровати, заглянул в гостиную. Меня просто окатило сиреневым запахом, а под ложечкой заняло от предчувствия беды.

Окна гостиной выходили в сад. Они обычно запирались мною лично, - крепость и надёжность запоров я проверял сто раз в день, - поэтому никакие громкие звуки и запахи не могли проникнуть внутрь дачи.

Я сунул ноги в тапочки и выскочил в гостиную. Меня ожидало самое худшее: одно из окон было распахнуто, и ветер мягко шевелил тюлевуую занавеску. Моё оцепенение прошло, когда я вспомнил, что сейчас всего шесть утра, следовательно, весь дачный посёлок проспит ещё минимум час. Рокер Севкин в счёт не шёл. Придерживаясь своего идиотского расписания, он каждое утро ровно в шесть проносился на мотоцикле к реке. Севкин действовал на нервы только тюкинскому Шарику. Остальные дачники безмятежно спали.

Я бросился в кабинет. Диван был пуст. В кухне тоже никого не было. Машинально заглянул в туалет, в ванную и, подгоняемый страхом, прямо в одних трусах я выскочил во двор. Птицы орали что-то радостное, ветер тянул со стороны реки и был поутреннему прохладным. Санду во дворе не было.

- Кис-кис-кис... - позвал я с надеждой.

Минут за пять обшарил весь свой, далеко не маленький, дачный участок, поросший могучими деревьями и непролазными кустами. Мне всегда нравилась дикая природа, но сейчас, ободравшись в зарос-

лях малины и опалив ноги крапивой, я проклинал всё на свете. Моя дача стояла последней, в нескольких десятках метров начинался лес, и я посмотрел на него с ужасом. Если Санду убежал туда, то в каком направлении его искать? А если он просто гуляет по улицам спящего посёлка? Голова шла кругом. Я выглянул за калитку. Единственная улица хорошо просматривалась вдоль. Пусто.

- Кис-кис-кис... - снова позвал я.

- Котик убежал? - донёсся до меня доброжелательный голос.

Мой сосед Тюкин стоял на крылечке, опираясь руками о резные перильца, и ласково смотрел на меня.

- Котик, говорю, убежал? - переспросил он.

- Котик, - ответил я, с тоской поглядывая по сторонам, - котик...

- Давно убежал?

- Сейчас, - ответил я, не зная, что предпринять.

- Придёт, - убеждённо сказал Тюкин, - кошки, они всегда домой возвращаются. За тысячи километров приходят.

Сердце моё бухало, как барабан. Я машинально кивал головой в такт словам Тюкина и думал, думал...

- Породистый, что ли? - не умолкал Тюкин. - Я у вас что-то никогда котика во дворе не видел.

И что его подняло в такую рань? Спал бы себе под боком у жены, так нет же, вылез и задаёт идиотские вопросы. Котика моего он не видел! Живи и радуйся, что не видел.

Я махнул рукой и помчался в дом одеваться. Мне нужно было успеть обежать весь дачный посёлок и заглянуть в лес. Санду не мог далеко уйти, как бы ни влекло его любопытство. Ведь он был всего-навсего обыкновенным домашним котёнком, тем более, что до сих пор его прогулки ограничивались двором и садом, когда ночью ему разрешалось погулять. И тут я вспомнил, что именно вчера вечером, когда Санду спал в кабинете на диване, мне стало душно, я, распахнув окно гостиной, долго стоял около него и курил. Думал о коте, о Никитине... Стоп! Потом я закрыл окно... Ну конечно же, закрыл, ещё не-много прищемил палец. Но вот задвинул ли шпингалет? До сих пор я проделывал это машинально, и поэтому моя память не удержала в себе этого момента. Значит, не закрыл... И ранним утром, расшалившись, Санду вскочил на подоконник, ударил лапой по раме, она распахнулась, и кот оказался в утреннем саду. Мимо летела такая красивая бабочка! Санду подпрыгнул, промахнулся, ещё раз подпрыгнул... Бабочка, насмешливо трепеща крылышками, перелетела через забор, и разыгравшийся Санду незамедлительно последовал за ней... Скорее всего, так оно и было. У самого окна и у забора виднелись чёткие следы его лап. Утренние следы. Потому что вечерние я, как обычно, тщательно замёл после прогулки, чтобы ничей любопытный взгляд не наткнулся случайно.

- Кыс-кыс-кыс... - раздалось невдалеке. Я вздрогнул и посмотрел в сторону соседей. Тюкин, как был в пижаме, кряхтя, лазил под своими кустами. У меня вырвался нервный смешок. Услыхав его, он поднял ко мне добродушное круглое лицо.

- Найдём мы вашего котика, товарищ Егорычев, - заверил, - никуда он не денется. Сейчас мы все поищем, - и забываемым жестом обвёл руками во круг.

Я понял, что пропал. Тюкин славился своими организаторскими способностями - мне пришлось неоднократно в этом убедиться. Он организовывал походы на речку, он призывал дачников своими руками соорудить детскую площадку, он организовывал воскресник по благоустройству посёлка, он... Всего и не перечислишь. Я понимал, что отговоры и просьбы тут бесполезны. Сила энергии была столь велика, что Тюкин сам бы не мог остановиться, даже если бы и захотел. Его уже несло. Через час он поднимет на ноги весь посёлок. И знаете, что он скажет? Он скажет: «Граждане дачники, дорогие соплеменники! У младшего научного сотрудника, товарища Егорычева, пропал котик, а значит, выйдем на поиски пропавшего животного все, как один и, даст Бог, отыщем...». В таком духе Тюкин будет минут пять разжигать и настраивать толпу, а потом, в самый критический момент, протянет свой пухлый указующий перст, и, охваченные бесконечной любовью к домашним животным, разновозрастные жители дачного посёлка ринутся на поиски моего кота.

Избави Бог их всех найти Санду!

Я выскочил за калитку и лёгкой рысью помчался по спящей улице. Обежал весь посёлок и, не сбавляя хода, начал прочёсывать опушку леса. Страх немного притупился, и на первое место теперь выползла злость на Никитина, который втравил меня в эту историю и так некстати уехал в командировку. Я бе-

жал по тропинкам, ветки больно хлестали по лицу, затрещал рукав рубашки, зацепившейся за сук. Я высматривал среди буйной майской зелени серое - мягкую шелковистую шкурку, звал его, задыхаясь, спотыкаясь, падая...

Часа через два я, ободранный, измученный, появился на улице посёлка, добрёл до своей дачи, вошёл во двор и без сил опустился на скамейку. Я не видел, но отлично слышал, что происходит вокруг. А вокруг был цирк вперемешку с кошмаром. По всему посёлку ходили, рыскали, ползали, заглядывали под кустики, лазали на деревья дачники, дачницы и их дети, умело организованные Тюкиным. Со всех сторон неслось многоголосое «кис-кис-кис!», и я снова со страхом подумал, что Санду, если он находится поблизости, может услышать эту какофонию и самолично явиться на зов. Пройдёт независимой походкой по улице, перепрыгнет через забор и с довольным видом потрётся о мою ногу... Я обхватил голову руками. Как сквозь сон услышал обрывки чьего-то разговора:

- Ишь, человек как убивается. Знать, котёночек-то был особенный, породистый.

- А хотя бы и не породистый, - возразил другой голос, - эти учёные, они всегда с причудами...

Женщины вздохнули и снова принялись за поиски.

- Нашёл! - раздался чей-то ликующий вопль. Сердце у меня провалилось до самых пяток. По улице мчался взлохмаченный Севкин, а за ним радостной толпой неслись все прочие. Я облегчённо вздохнул:

Севкин бережно, торжественно в лодочке ладоней протянул мне испуганного серого котёнка.

- Это не он, - тихо сказал я.

Севкин растерянно посмотрел на котёнка и подозрительно - на меня. Гомонящая толпа затихла в ожидании.

- Это же мой Кеша! - конопатая девчушка коршуном налетела на опешившего Севкина и выхватила котёнка. - Это мой!

- Вы не сомневайтесь, - сказал Тюкин после долгой томительной паузы, - мы всё равно его найдём, куда он не денется.

- Да не стоит, - я старался говорить убедительно, - ну, убежал, - ну, прибежит. Мне неудобно, что из-за одного паршивого котёнка весь посёлок не знает покоя.

- Ничего, ничего, - успокаивающим жестом остановил меня Тюкин. - Вот вы бы его приметы всякие сказали: пятнышки, там, полосочки.

- Серый, - сказал я. Это было чистой правдой, и это было единственное, что я мог сказать вообще.

Никитин приедет только завтра, а пока... Я решил покориться судьбе и, поднявшись, пошёл в дом. Чему быть, того не миновать.

С Никитиным я познакомился на вечеринке у Демича. Но сам Демич не мог вспомнить, когда и где появился в их компании этот человек, и мало кого интересовало, что делает какой-то биолог среди физиков. Никитин был необременителен, никакого интереса к своей персоне не вызывал, ни в какие споры не лез и старательно развлекал дам, когда кавалеры,

позабыв про бонтон, сбивались в кучу для обсуждения какой-либо теории. Дамы обожали Никитина. Он был загадочен и внимателен. Никитин уравнивал собою мужскую и женскую половины компании. Его присутствие, казалось, было незаметным, но исчезни он, и все сразу почувствовали бы, я уверен, эту потерю. А мои с ним отношения не шли дальше приветственных фраз и обычного «как дела?».

В тот день я столкнулся с ним на углу улицы.

- А, привет! - радостно улыбнулся он. Я поздоровался.

- Ну, какие проблемы решаете? Нуль-пространство ещё не открыли?

В другое время я бы охотно подхватил этот насмешливый тон и продолжил пикировку, но сегодня... Моя сегодняшняя проблема была весьма прозаичной, но её решение требовало некоторых определённых усилий, в том числе моральных. Мне нужен был кот. Котёнок. Мой прежний кот, Василий, имевший вреднейший характер, но добрейшее сердце, благополучно скончался по причине старости. Несколько месяцев я промаялся в одиночестве и, наконец, решился заполнить брешь, образовавшуюся в моей жизни.

- Ты бы лучше жену в дом привёл, - укоризненно сказала соседка, которой я поплакался на свои беды. Я пообещал привести. Но только после кота. Соседка вздохнула. А я отправился на поиски.

- Кота? - переспросил Никитин, и его прищуренные глаза загорелись. - Любого?

- Хоть в клеточку, - я пожал плечами. Если бы знал, что из этого выйдет. Если бы...

Никитин снял с плеча бело-голубую спортивную сумку и расстегнул молнию. На доньшке, на сложенном клетчатом платке, свернувшись серым пушистым клубочком спал котёнок. Я недоверчиво посмотрел на Никитина: не шутит ли.

- Бери! - сказал он, видя моё замешательство, - я всё равно скоро в командировку уезжаю, - и протянул мне сумку. - Вместе с сумкой, он в ней спать привык, а мне она ни к чему.

Я накинул на плечо ремень сумки. А Никитин, пожимая мне на прощанье руку, сказал уже совсем другим, более серьёзным тоном:

- Это кот из нашей лаборатории. Мы там кое-какие опыты над ним проводили, да всё впустую.

Я с тревогой посмотрел на сумку, а Никитин улыбнулся:

- Не бойся, у него всё в порядке: четыре лапы и один хвост. Любит молоко.

- А что за опыты? - поинтересовался я.

- Ерунда! - Никитин махнул рукой, - плановый эксперимент. Не совсем удачный. Котика списали, и я его к себе забрал. Да, вот, если бы не командировка. В общем, вполне нормальный кот.

- Слушай! - остановил я уже уходящего Никитина, - а если у него что-то проявится, то в чём это может выразиться? Должен же я знать.

- Ничего не будет, - успокоил меня он, - будет пить молоко, есть мясо и расти. Ну, пока!

И, уже убегая, крикнул:

- Его зовут Санду!

Санду, так Санду. Я поправил на плече ремень сумки и, одолеваемый сомнениями, понёс домой экспериментального кота.

Мои тревоги оказались напрасными. У Санду действительно было четыре лапы и всего один хвост. Он с удовольствием пил из блюдца молоко, гонял по полу клочки бумаги, аккуратно присыпал лапкой влажное пятно в ящике с песочком, а когда уставал, то забирался в бело-голубую сумку и засыпал, свернувшись клубочком.

Теперь по утрам меня будил Санду, причём за-долго до звонка будильника. Распалившись, он носился по комнате, вскарабкивался на постель, бегал по одеялу, кусал меня за ухо, потом шлёпался на пол, повисал на шторах, чем-то шумел, что-то ронял. Я ловил его, гладил, внимательно рассматривал, стараясь обнаружить хоть какие-то видимые признаки его печального экспериментального прошлого, но тщетно. Обыкновенный котёнок.

И я успокоился. Недели на две. А в начале третьей...

«Ну и даёт! - подумал я, наливая Санду второе блюдце молока. - Ну и жрёт! Две рыбины слопал».

Санду сверкнул на меня жёлтым глазом и снова приник к блюдечку.

«Ну и растёт!», - продолжал я размышлять, улавливая взглядом какое-то несоответствие.

В последние дни я был по горло занят делами на работе, возвращался усталый, кормил кота и без сил валился на постель. В тот вечер у меня тоже сли-

пались глаза. Я допивал чай, поглядывая на Санду: «Мне бы его заботы!»

И тут я начал медленно соображать. На полу кухни сидел большой пушистый кот и старательно умывался. Я готов был дать голову на отсечение, что кошки так быстро не растут. Во всяком случае, не так быстро. Даже если их кормить только рыбой, мясом и молоком. Сунулся к календарю. Со своей сумасшедшей работой я перепутал все дни - мы ведь пахали даже без выходных, и, может, эта канитель длилась так долго, что «за время пути котяра смогла подрасти».

Да нет, всё верно. Число, когда я принёс домой котёнка, обведено в календаре синим фломастером. Разумеется, отметка была сделана совсем по другому поводу: в тот день наш отдел успешно закончил монтаж одной установки. Отмечали, конечно, немного, но это было уже назавтра, когда мы собирались у Демича. И Никитина там не было. Сказали, что он улетел в командировку. Мы пили за нашу установку, за физику, за прекрасных дам и за моего нового кота. Значит, действительно, прошло всего две недели? И за эти две недели крохотный серый котёнок превратился в огромного кота?

Я совершенно забыл об усталости и сне. С величайшей осторожностью, взяв его обеими руками, посадил к себе на колени. Он заурчал, как моторчик, и стал топтаться, устраиваясь поудобнее, потом вздохнул и свернулся калачиком, продолжая мурлыкать.

Ситуация была нелепейшая. Если бы я рассказал это кому-нибудь, меня подняли бы на смех.

Свихнулся, мол, на почве своей науки. Подумают, что я всех разыгрываю. И вообще, если всё оно так и есть, то... Нужно было срочно искать Никитина, который запропал в командировке. Его координат у меня не было, и я позвонил Демичу.

- Адрес Никитина? - Демич громко зевнул на том конце провода. - Зачем тебе его адрес в двенадцать часов ночи? Его же всё равно нет в городе.

Демич положил трубку на тумбочку и пошёл в другую комнату за записной книжкой. Вернувшись, он продиктовал мне не только домашний адрес, но и телефон никитинского института. Я рассыпался в благодарностях. Демич зевнул и послал меня к чёрту.

В эту ночь я не спал. Каждые полчаса вскакивал и на цыпочках подкрадывался к двери соседней комнаты. В щель был виден диван. На диване боком лежала бело-голубая сумка. Из сумки выглядывал серый пушистый хвост.

Я еле дождался утра. Накормил кота, тщательно запер входную дверь и помчался на работу.

Выбрав время, когда все выскочили в курилку, я позвонил в институт, где работал Никитин. В секретариате долго шелестели бумажками, что-то у кого-то переспрашивали и, наконец, сказали мне номер телефона, по которому я могу получить более точную информацию об интересующем меня товарище. Десятый отдел отозвался бодрым мужским голосом.

- Никитин? Да, есть такой, но он в командировке. Не скоро. Не знаем когда. Адрес? - на том конце провода забубнили, заговорили глухо и неразборчиво. - Телефончик вас устроит? Тогда записывайте. Какой вопрос? Про кота? Серого? Не понял.

Вы о чём? Мы не занимаемся котами, у нас несколько иной профиль, так сказать, прямо противоположный. Нет, не государственная тайна. Мы занимаемся рыбами. Ры-ба-ми. К сожалению, подробности вынужден опустить за недостатком времени. И если у вас всё?..

У меня было всё. Десятый отдел котов не разводил. А если разводил, то так они мне это и сказали. Как же! Скажут они! Незнакомому типу по телефону.

В течение дня по своим каналам, через всяческие знакомства я навёл справки. Перечень разработок, над которыми трудился коллектив института, включал многое. Коты там не упоминались.

Вечером я с трудом дозвонился по телефону в тот далёкий город, в котором пребывал Никитин. Пока накручивал диск, Санду лежал у меня на коленях, щуря жёлтые глаза и заливаясь блаженным мурлыканьем.

Голос Никитина был хриплым, будто у него болело горло.

- Я слушаю...

- Никитин! - закричал я в трубку, - я должен тебе сказать кое-что про Санду!

- Я знаю, - прохрипел Никитин, - он растёт, очень растёт.

- Откуда знаешь?

- Я закончил расчёты. Там у нас в предварительных формулах была небольшая ошибочка. Инкубационный период оказался дольше.

- Он вырос! - ликовал я. - Это совсем взрослый кот!

- Он будет ещё расти, - Никитин зашёлся в кашле.

- Пусть! - радостно прокричал я.

- Ты не понял, - голос Никитина помрачнел, - я закончил свои расчёты и окончательная формула... Ну, в общем, действие вакцины не ослабевает со временем. Идёт реакция. Я не могу отыскать ограничительные компоненты.

До меня, наконец, дошло.

- Ты хочешь сказать, что он всё время будет расти?

- Именно.

У меня внутри всё похолодело. Мне не улыбалась такая перспектива: котик размером с бульдога, с тигра, со слона...

- Никитин! - закричал я, покрываясь холодным потом. - Что я с ним буду делать?

- Что? - спокойно переспросил Никитин. - Кормить получше. Деньги я тебе вышлю. Не психуй. Тигры - это просто большие кошки. Думаю, что природа сама наложит ограничения на рост. Ты его до моего приезда никому не показывай.

- Когда ты приедешь?

- Месяца через полтора-два.

- Никитин! Через два месяца он превратится в тигра, а я живу в центре Москвы!

- У тебя есть роскошная дача. Возьми отпуск.

- Я боюсь, - не сдавался я, - я не умею обращаться с хищниками!

- Какие хищники? - голос Никитина звучал насмешливо. - Это обыкновенный кот. А ты ведь любишь животных.

Как по голове погладил. Животных я действительно люблю. Домашних.

- Я звонил тебе в институт. Спрашивал про кота. Меня послали к акульей матери.

- Зря звонил. Они ничего не знают. Это мой личный и, пока, тайный эксперимент.

- Ты болеешь? - почему-то спросил я.

Объяснения Никитина были нелогичны, неубедительны, и в моей, идущей кругом, голове, концы с концами не сходились.

- Болею, - прохрипел Никитин. - Ангиной.

И началось. И покатилося. Пошло-поехало кувырком и под гору. С работы я бегом летел домой. Замирая от дурных предчувствий, отпирал дверь и заглядывал в комнаты. Санду рос. По дням. Он был уже очень крупным котом. Очень крупным.

Я перестал ходить в гости и никого не приглашал к себе. Я бегал по магазинам с большой хозяйственной сумкой, провожаемый удивлёнными взглядами жителей своего дома. Аппетит у моего питомца был отменный.

Я закрутился до предела, и однажды Демич спросил меня:

- Ты что, старик?

- А что? - пожал я плечами. Голова моя была занята мыслями о том, где, в каком магазине вечером я могу «поймать» свежую рыбу. Кот отворачивался от мяса и глядел на меня укоризненно. Гурман, чёрт бы его побрал!

- А, ничего, - сказал Демич, - ничего особенного, если не считать, что на тебе лица нет. Круги под глазами. Ты ночами не спишь?

- Сплю, - я не знал, как отвертеться. Весь отдел с живейшим интересом наблюдал за нами.

- Может, ты заболел? - участливо спросил Татарников.

- Да нет, просто что-то... - я покрутил в воздухе рукой. - Ну, в общем, мне бы в отпуск...

- Ты женишься?! - воскликнул Иванчук, всплескивая руками.

- Нет, - уныло протянул я и снова сделал рукой в воздухе неопределённый жест, - надо мне...

Отпуск мне дали. Сразу и безоговорочно. Отдел проводил меня тревожными взглядами.

- Мы тебя навестим, - на прощание сказал Татарников, - держись!

Наутро я стал собираться. Тщательно всё продумал и решил взять всё необходимое, чтобы потом не срываться с дачи. Набил машину под завязочку.

Санду уже с трудом помещался в сумке. Он недовольно зашипел, когда я упаковывал его туда. Только бы дотащить его до машины! Лифт не работал, и я летел вниз по лестницам с огромной тяжёлой сумкой, в которой ворочался и подвывал Санду, к тому же, постепенно наращивая звук.

Я швырнул сумку на заднее сиденье и расстегнул молнию. Недовольный, взлохмаченный кот выбрался наружу и, расположившись на сиденье, стал приводить себя в порядок. Теперь - вперёд! За тонированными стёклами никто не разглядит этого зверя.

На даче я первым делом запер все окна, чтобы кот случайно не мог выскочить во двор. Впрочем, он, привыкший к столичной затворнической жизни, и не пытался сделать это. Дача была достаточно большой,

и ему пока хватало места. Это дитя цивилизации было уже приучено мною к пользованию унитазом, и поэтому сия немаловажная проблема меня не волновала. Кот не только с достоинством на него усаживался, но и нажимал после всего нужный рычажок.

Забор вокруг дачи был достаточно высоким, метра два, и достаточно плотным, глухим. Ровные доски прилегали друг к другу, не оставляя щелей, а если и были щели, то в них ничего нельзя было разглядеть сквозь густые заросли кустарника. Но часть сада просматривалась с крылечка соседнего участка, поэтому я выпускал кота на дневные прогулки, когда был точно уверен, что Тюкины отбыли на речку или в город за покупками. Когда соседи были дома, мы прогуливались ночью. Именно во время ночных прогулок Санду стал излишне интересоваться забором. Он бродил вдоль него, усевшись меж кустов, задумчиво смотрел вверх, словно примериваясь. Я понимал, что двухметровая высота деревянного забора - не преграда для кота размером с собаку. Но кот пока ни на что не покушался. Пока. Я приготовил для него и ошейник, и крепкий поводок. И цепь. Когда-то нам придётся гулять в этой экипировке. Хотя я не был уверен, что справлюсь с тигром, если ему вздумается всё же удрать.

К ошейнику он привыкал долго. Пытался содрать его, злился и смотрел на меня обиженными глазами. Наконец успокоился. Ошейник и поводок я одевал ему, когда мы ночью шли гулять. Уже только ночью. Потому что он рос прямо на глазах. К концу второй недели он достиг размеров дога, и я стал смотреть на него с опаской. На ночь, после прогулки,

я запираю его в кабинете, а днём старался не поворачиваться спиной, хотя никаких признаков агрессивности не замечал. Но бережёного Бог бережёт. Спал он в кабинете на диване, укладывая лапы и голову на сумку, как на подушку.

Никитин прислал мне солидную сумму на содержание этого зверя. Два раза в неделю я мотался по близлежащим торговым точкам Подмосковья, покупая везде понемногу, чтобы не привлекать излишнего внимания.

К концу четвёртой недели дачной жизни Санду достиг размеров тигра. Комнаты стали тесноваты ему. Ночами я выволакивал в сарай ненужную мебель и всякий дачный хлам. Перетащил в спальную и на террасу шкафы и старый диван. Целиком освободил гостиную, а в кабинете, где спал кот, оставил лишь диван да шкафы с книгами вдоль стен. Я создавал ему максимум пространства, но даже гостиная с площадью в тридцать квадратов была ему тесна. Он всё чаще садился у окна, ставя лапы на подоконник, и подолгу вглядывался в глубину сада. Застывал в такой позе, и только кончик хвоста слегка подрагивал. Лишь тонкое стекло отделяло его от внешнего мира. Он трогал стекло лапой и даже лизал.

Мне приходилось отвлекать его от этих крамольных закоренных мыслей. Иногда - старым тапком, который я гонял по комнате, предлагая Санду включиться в игру, иногда - кусочком чего-либо вкусенького. Он выпускал огромные когти и на лету ловил брошенный мною тапок. Обнажая огромные клыки, осторожно брал из моих рук лакомые кусочки. Радостно урчал, когда я гладил его по спине и

почёсывал за ухом. Спрятав когти, он обхватывал мою ногу и слегка покусывал зубами, при этом внимательно наблюдая за мной. Я осторожно высвободился из мягких его объятий, не принимая такую игру. В глазах Санду мне чудилась насмешка.

Мои силы были на исходе. Я снова позвонил Никитину.

- Я не могу больше жить в одном доме с тигром!

Никитин молчал.

- У меня через неделю отпуск заканчивается! - взывал я к его чувствам.

Снова молчание. Он будто ждал, когда я выдохнусь.

- Всё? - спросил Никитин наконец. - Послезавтра я приеду. Не паникуй. Пока!

И положил трубку.

Я не был уверен, что доживу до послезавтра. В полумраке гостиной Санду царапал когтями оконную раму, и его глазищи горели жёлтым дьявольским огнём. Я пошёл за ошейником и цепью.

- Пойдём гулять!

После прогулки, когда довольный кот растянулся на своём диване, я раскрыл окно и допоздна сидел, выкуривая сигарету за сигаретой. Я был совершенно выбит из колеи. Я не запер на ночь дверь кабинета. Я не закрыл, как следует, окно. Но зато в эту ночь я спал как никогда крепко и проснулся, к сожалению, слишком поздно. Поздно не по времени, а по обстоятельствам.

Я страшно боялся, что его увидят люди. Невозможно даже предположить, какую могла быть ре-

акция. Серый тигр, прогуливающийся в окрестностях дачного посёлка! Серые тигры в подмосковном лесу! А вдруг ему придёт в голову порезвиться, и он погонится за курицей, которая для него - что птичка? Или его заинтересует коза, которую держат владельцы одной из дач? Даже если он, просто радостно мурлыкнув, бросится навстречу любому прохожему, хорошего будет мало.

Интересно, что сделают со мной, если узнают, что это моя киска? Сколько мне дадут за содержание незарегистрированного хищника неизвестной породы? Мне, моим рассказам поверят только в одном месте. На Канатчиковой даче.

К полудню посёлок выдохся. Хлопнула калитка, поскрипел песок на дорожке и в дверь постучали. На пороге стоял измученный Севкин, делегированный ко мне общественностью. Севкин развёл руками:

- Ну, нигде! Абсолютно. Мы даже в колодец ныряли. А может, его собаки... это самое? Всё же маленький был...

- Ну что ты, - начал я и, спохватившись, умолк.

- Да вы не переживайте. Может, ещё найдётся. Ещё день впереди.

Потоптавшись у двери и разведя руками ещё раз, Севкин ушёл.

Весь день я метался по даче, обшаривая сад, выглядывая за калитку. Тюкин сочувственно наблюдал за мной со своего крылечка. Я понимал, что выгляжу смешно, но нарастающая тревога не давала мне покоя.

В сумерках Тюкины сели в машину и поехали в Заварзино смотреть в тамошнем клубе новый фильм. Я же повис на калитке, вглядываясь в опушку леса. У меня было ощущение, что Санду где-то рядом. В конце концов, он ничего не ел с утра и, элементарно проголодавшись, всё равно явится.

Перебирая руками по забору, пошатываясь и постанывая, ко мне приближалась неясная фигура в шляпе. Кукушкин! Владелец козы и дачи, стоявшей на том конце улицы. Кукушкин в прошлом был очень большим человеком, но в настоящем, пребывая на заслуженном отдыхе, периодически напивался и неприкаянно бродил, как привидение, по ночной улице, разговаривая сам с собой и был чрезвычайно доволен жизнью.

- Вот моя дер-р-ревня! - немзыкально распевал он, - вот мой дом р-р-родной...

Дойдя до моей калитки, Кукушкин изумлённо посмотрел на меня:

- Что вы делаете в моём дро... дло... дворе?

Надо же было так набраться, чтобы чужой дом за свой принять!

- Ну? - удивился Кукушкин, когда я объяснил ему положение вещей.

- Ну? Верно, не мои хоромы. А где мои? Где? Кукушкин вдруг всхлипнул и пожаловался:

- Второй час до дому добраться не могу, а жена к ужину ждёт. Промахиваюсь...

Я развернул его в противоположную сторону, показав верное направление. Кукушкин ухватился крепче за забор, сделал шаг, другой и, остановившись, тихо сказал извиняющимся тоном:

- Кажется, я нынче лишку дал... Веришь - нет, так напился, что тигры мерещатся. Тигр-ры!

И Кукушкин, изобразив тигриное рычание, пошёл, перехватывая руками по забору.

Одним махом я оказался за калиткой и прямо вцепился в опешившего Кукушкина, требуя сказать, где и когда он видел тигров.

- Да вы что... Вы что... - бедняга вяло трепыхался у меня в руках. - Какие тигры? Да это мне за всегда... когда я лишку...

Кукушкин вдруг замолчал, уставившись взглядом во что-то за моей спиной.

- Вот... она опять. Тигра... - выдавил он. - Сгинь!

Я оглянулся. Ноги мои подкосились. Санду стоял посреди двора и смотрел на нас. Кукушкин дёрнулся из моих рук, освобождаясь.

- Ты в-в-видишь её? Тигру? В-в-видишь?

- Не вижу, - я взял Кукушкина за плечи и развернул. - Никого там нет. Вам кажется.

- Знаю, - печально сказал Кукушкин, делая неверный шаг и хватаясь за забор, - мне всегда... когда я лишку...

И он медленно побрёл по улице.

Я нырнул во двор. Запер калитку и, прислонившись к ней спиной, несколько минут простоял, совершенно обессиленный. Кот выжидательно смотрел на меня. Голодный. Если никого не сожрал во время прогулки. «Сейчас я тебя накормлю, сейчас...»

Я пошёл к дому по дорожке, не оглядываясь. Сзади поскрипывал гравий под тяжёлыми мягкими лапами. Идёт следом.

Первым делом я запер двери и окна. Потом бросился в кухню к холодильнику. Потом, сев на пол, смотрел, с каким зверским аппетитом Санду уплетает свой ужин. И обед. И завтрак. Прогулка, несомненно, пошла ему на пользу. После трапезы долго вылизывал свою шёрстку, теперь уже лучше сказать - свою серую шкуру. Посматривал на меня задумчиво и снова принимался за работу. Где же ты шлялся, мерзавец? Как тебе удалось избежать встреч с людьми? Что ты видел во время прогулки и чем ты занимался весь день? Кот потянулся, зевнул и направился в кабинет, к своему любимому дивану. Улёгся мордой на сумку и заурчал.

Как ни был я измучен прошедшим днём, спать мне не хотелось. Всю ночь я сидел на полу возле дивана и смотрел на безмятежно спящего Санду. Он лежал на боку, и лапы его иногда подрагивали. Может быть, ему снился бег, бесконечный, отчаянный бег по бесконечному лесу, в котором он неожиданно обрёл желанную свободу.

На рассвете я всё же уснул, прислонившись спиной к дивану, и очнулся от какой-то тяжести. Солнце заливало комнату своим светом, а Санду, положив обе лапы мне на плечи, осторожно вылизывал мне голову.

- Санду, - пробормотал я, поворачиваясь к нему и запуская обе руки в густую шерсть, - Санду.

Я чесал его за ухом и он, блаженно жмурясь и мурлыкая, выпускал такие страшные и такие неопасные когти. Он потягивался и тёрся об меня мордой.

День превратился в праздник. Я носился по комнатам, наводил порядок, мыл полы, готовил обед.

Санду бродил за мной из комнаты в комнату, ластился и подставлял голову: погладь. Я смотрел на него с удивлением и вслушивался в себя, в свои чувства. Что-то случилось с нами обоими за сегодняшний день.

Он поскрёб лапой оконную раму и вопросительно посмотрел на меня. Понравилось? Потерпи ещё немножко: вот стемнеет, и выпущу тебя погулять. А пока, чтобы ты не очень огорчился, я поглажу твою замечательную и могучую спину, почешу тебя за ушами. Вот, ты уже развалился на полу и завёл свою песенку, вот так... ты умница, и мы с тобой обязательно что-нибудь придумаем, обязательно...

В сумерках у моей дачи остановился автофургон. Из кабины вылез худой, измождённый Никитин. Тюкины маячили на своём крыльчке, с интересом разглядывая серебристый бок фургона с чёрной надписью «Перевозка мебели». Они явно ожидали продолжения действия.

Никитин посмотрел на Санду без особого удивления. Можно было подумать, что он в своей жизни повидал видимо-невидимо таких котов. Зато Санду проявил искренний интерес к гостю. Он обнюхал Никитина и потёрся головой о его плечо, выказывая полное расположение.

Никитин отказался от ужина. Он был чем-то озабочен и торопился. Когда окончательно стемнело и Тюкины, наконец, покинули свой пост на крыльчке, мы вдвоём с трудом заволокли упирающегося Санду в фургон. Кот шипел и подвывал. Я боялся, что услышат Тюкины. Никитину он ободрал до крови руку, а меня пребольно укусил за ногу. Но всё же мы

справились. Никитин захлопнул дверцу и защёлкнул замки. Мне стало тоскливо.

- Куда ты его?

Никитин странно посмотрел на меня, обвязывая руку носовым платком, и ничего не ответил.

- Куда? - уже настойчиво спросил я.

Никитин полез в карман за сигаретами, закурил.

- Извини, что доставил тебе столько хлопот с этим котом. Я, правда, не знал, что так получится.

- Короче, - перебил я его.

- Опыт, ты сам понимаешь, неудачный. Не этого я добивался. Но без ошибок в науке не бывает. Я самовольно использовал вакцину, и если узнают, то... Да и кому нужны большие кошки?

Я оторопел. Я понял, что Никитин не остановится ни перед чем, лишь бы замести следы своего неудачного, незаконного опыта.

- Ты что? Ты что задумал? - я надвинулся на Никитина, но он спокойно отвёл мои руки в сторону и полез в кабину. Захлопнув дверцу, завёл мотор и, высунувшись в окошко, сказал почти весело:

- Не грусти! Я пришлю тебе шкуру. Будет хорошая память...

Я долго бежал за фургоном, задыхаясь от пыли. Споткнувшись о камень, плашмя растянулся на дороге, а огни машины, насмешливо моргнув, исчезли за поворотом. Я лежал в пыли, вслушиваясь в затихающий звук мотора, и представлял, как в глухой, гремящей черноте фургона мечется в страхе огромный серый кот. Он прижимает к голове уши и, в ожесточении бросаясь на стены своей тюрьмы, цара-

паёт, дерёт, разрывает её когтями. Он кричит, но рёв мощного двигателя заглушает всё. Да и кто может услышать его в этой непроглядной ночи?.. Серая лента шоссе скользит среди леса, и никого вокруг.

Я вспомнил, что не далее как позавчера сам умолял Никитина развязать мне руки, избавить меня от этого зверя. А потом вспомнил сегодняшнее утро и тяжёлые лапы Санду на моих плечах, его шершавый язык и радостное урчание... Я слишком долго молил судьбу о помощи, я слишком хотел, - и мне воздалось по заслугам.

Утром я вернулся в город. Я бродил в тишине пустой квартиры, постоянно вздрагивая и оглядываясь. Из каждого угла на меня смотрели жёлтые глаза Санду.

Через месяц в дверь позвонили. На пороге стоял незнакомый человек, держа в руках большой свёрток. Не говоря ни слова, он сунул этот свёрток мне в руки и затопал вниз по лестнице. Надписи на обёртке не было. Я потянул за верёвочку - узел распустился, и из бумажной оболочки к моим ногам хлынула огромная шелковистая дымчатая шкура.

- Санду...

Я, наверное, произнёс это вслух, потому что Катя внимательно посмотрела на меня.

- Дед, что ты сказал?

- Знаешь, Катя, у меня когда-то очень и очень давно был кот...

- У тебя, - удивилась Катя, - расскажи!

Внучка стала единственным человеком, которому я решил поведать эту историю. Конечно же,

очень кратко, опустив многие детали, так, чтобы она в свои двенадцать лет смогла её понять.

Я не рассказал ей, как получил от Никитина страшную посылку, как уехал на дачу и сжёг её в огромном костре прямо посреди двора, как долго потом не мог избавиться от давящего чувства вины.

На даче я больше бывать не смог - продал. Неожиданно для себя женился. Много работал, стараясь обеспечить семью, многого достиг. Но у меня никогда больше не было дачи, и порог моего дома не переступила ни одна кошачья лапа. Жена ещё в самом начале нашей семейной жизни безоговорочно приняла эти условия и никогда не спрашивала об их причине.

Когда воспоминания схлынули, я увидел зарёванные Катины глаза. Вытереть она их не могла, потому что в её руках, уютно свернувшись клубочком, спал наш котёнок.

Я достал из кармана платок.

- Ну, всё, ну успокойся. У нас теперь будет всё хорошо, я тебе обещаю!

Внучка ещё раз всхлипнула и, посмотрев на меня, улыбнулась.

- Дед, а знаешь, как мы его назовём?

КОЛЮЧАЯ ЛЮБОВЬ

Когда эта история только начиналась, они были совсем маленькими кактусятами, ну, не больше детского мизинчика. Хозяйка посадила их обоих в один цветочный горшок и поставила на подоконник, где уже давно обитали разные комнатные цветы.

Шли дни, недели, месяцы. Кактусята заметно подросли и стали похожи на два молодых колючих огурчика. Солнышка было достаточно, земля в горшке была мягкой, удобной, что позволяло кактусятам в полной мере наслаждаться жизнью.

Однажды, поливая цветы, Хозяйка вдруг заметила, что кактусята не стоят в горшке вертикально, как и положено растениям, а слегка наклонились друг к другу. Подозрение даже пало на Кота, который любил сидеть на солнечном подоконнике среди горшков с цветами. Кот молча выслушал адресованные ему обвинения и, фыркнув, демонстративно перебрался на диван.

А через несколько дней кактусята уже касались друг друга макушками, их короткие колючки тесно переплелись.

«Наверное, им просто тесно», - решила Хозяйка. Она быстро приготовила новый горшок и очень осторожно пересадила в него одного из кактусят. И поставила горшки рядышком на подоконнике.

Вскоре она обнаружила, что кактусята, посаженные совершенно вертикально, снова начали наклоняться навстречу друг другу. Это было невероятно. Но теперь расстояние между ними было гораздо большее, оно было такое огромное, почти астрономическое для неподвижных растений. Но они всё равно упорно тянули свои колючки навстречу друг другу, прорастая корнями в землю, вытягиваясь вверх.

И вот, произошло непоправимое. Во время большой уборки квартиры, протирая окна, Хозяйка случайно разлучила кактусят. Один горшок поставила на один подоконник, а второй - на другой. Каково же было её удивление, когда она обнаружила, что её любимые кактусы вдруг начали чахнуть. Причём, оба сразу. Их яркие, зелёные тельца потускнели, посерели, а коричневые иголки уже не блестели на солнышке и были похожи на прошлогоднюю хвою.

Хозяйка стала принимать все меры для спасения растений. Но ни питательная подкормка, ни перестановка в более прохладный уголок не помогли. Кактусы бледнели и гасли на глазах.

Огорчённая Хозяйка взяла оба горшка с кактусами и поставила их в самый угол, за штору, где они не бросались в глаза. «Пропадут - выкину», - решила она.

В домашней суете, она не сразу, а может где-то дней через десять, заглянула за штору, чтобы забрать горшки с засохшими кактусами. Отодвинув штору, женщина замерла от удивления: ярко-зелёные кактусы, сверкая на солнце тысячами своих иголок, тянулись друг к другу, пытаясь преодолеть все прегра-

ды и расстояния. И этому было только одно объяснение.

Она была очень хорошая Хозяйка, и в её доме, конечно же, нашёлся очень большой цветочный горшок, вполне достаточный для двоих. С величайшей осторожностью и нежностью она пересадила в него оба кактуса и поставила на самое лучшее место на подоконнике.

Через несколько недель кактусы опять наклонились друг к другу, сцепились своими колючками, словно обнялись, зная, что больше никакая сила не разлучит их.

Невероятно? Да. Но что мы, в сущности, знаем о них, безответных, молчаливых растениях? Мы не слышим, как растёт трава, не понимаем шёпот листьев и не ощущаем чужую боль, когда бездумно срываем цветы. И мы не знаем, ЧТО они, растения, думают о нас.

Может быть, в их недоступном и непонятном нам мире тоже есть такие понятия, как гнев, боль, ожидание, надежда и, конечно же, любовь. Вот такая невероятная, колючая, но всё же любовь.

А историю эту мне рассказала сама хозяйка кактусов.

СКАЗКА О МАЛЕНЬКОЙ ФЕЕ

Ну, разве может быть что-либо прекраснее летних каникул? Чудеснее, чем эти бесконечно-длинные дни, настоянные на солнце и абсолютной свободе от всего и от всех!

Как хорошо, что родители в последний момент отказались о путёвки в лагерь и привезли его сюда, к Бабушке в деревню. Правда, взяв с него обещание, что он будет хорошо себя вести: не пить сырую воду, не есть немытые фрукты, не ходить в одиночку на речку и в лес и вовремя ложиться спать. И, конечно же, он обязательно должен каждый день читать книжки.

Мальчик заложил между страницами травинку, закрыл книгу и перевернулся на спину, подставляя лицо солнечным бликам, пробивающимся сквозь листву.

В огромном саду он был один, и всё пространство вокруг него было наполнено разными интересными звуками, и Мальчик с любопытством вслушивался в голоса Сада. Вот чуть слышно шелестят листочки на вершинах деревьев, когда их касается ветерок; вот жужжит где-то невидимый шмель; вот совсем рядом стрекочет кузнечик, а в дальнем углу Сада несколько пичужек явно выясняют отношения и сердитое чириканье переходит в крик и хлопанье крылышек.

Мальчик повернул голову и увидел большого чёрного жука, пробирающегося сквозь травяные джунгли, очень спешащего по своим жучачьим делам.

Лёгкий, еле слышный звук, привлёк внимание Мальчика, и он приподнялся с травы. Божья коровка лежала на книжке вверх брюшком и беспомощно шевелила ножками, пытаясь перевернуться. «Бедняжка, наверное, упала с дерева, - подумал Мальчик. - Ну, не бойся, сейчас я тебя посажу обратно».

Он осторожно взял Божью коровку, поднялся с травы и, подойдя к молодому деревцу, посадил её на самый красивый и освещённый солнцем листочек.

И тут он услышал, что совсем рядом кто-то тихонько засмеялся. Словно зазвенел маленький серебряный колокольчик. Мальчик огляделся вокруг, но никого не увидел. Он прислушался, затаил дыхание, но серебряный смех больше не повторился.

- Внучек! Иди завтракать! - послышался голос Бабушки.

- Иду-у! - Мальчик подхватил с травы книжку, ещё раз посмотрел на дерево, на листочек с Божьей коровкой и побежал к Дому.

- Бабушка! - закричал Мальчик, подбегая к крыльцу. - Я сейчас слышал в Саду чей-то смех, такой тоненький, словно звенел маленький серебряный колокольчик. Не-ужели в твоём Саду кто-то умеет так смеяться? Или мне показалось?

- Ну почему же показалось, - Бабушка ласково погладила внука по голове. - Кроме птиц, жуков и бабочек в моём Саду живут ещё и дриады, и только они умеют так смеяться.

- Дриады? Я никогда не слышал этого слова.
Кто они?

- Дриады - это нимфы, живущие на деревьях, зелёные феи.

- Настоящие живые феи? И их можно увидеть?

- Конечно, - ответила Бабушка. - Когда я была такой маленькой, как ты, я их видела. Они такие прекрасные... - тут Бабушка вздохнула и грустно посмотрела на внука. - Но это было так давно, когда ещё не было на свете твоих мамы и папы.

- А теперь, Бабушка?

- Теперь?.. К сожалению, дорогой мой, взрослые уже никогда не могут увидеть зелёных фей, это возможно только в детстве. Пошли в дом, твой завтрак стынет.

Позавтракав, Мальчик опять побежал в Сад, к молодому деревцу. Он потрогал рукой листочки и прислушался, но кроме пения птиц и стрекотания кузнечиков ничего не было слышно. «Подожду, - решил Мальчик. - Может, она меня просто боится».

Он сел под дерево, прислонился спиной к тёплому шершавому стволу, обхватил руками колени и замер в ожидании.

Ему показалось, что он просидел под деревом целую вечность.

Серебряный колокольчик зазвенел прямо над самым ухом, но Мальчик не пошевелился, боясь спугнуть невидимую гостью. Бледно-розовый лепесток дикого шиповника плавно опустился на загорелую коленку Мальчика.

- Ах! - послышался вверху тонкий серебряный голосок. - Я уронила свой веер!..

Мальчик бережно взял лепесток, положил его на ладонь и поднял голову. На самой нижней ветке, на резном листочке стояла маленькая фея. И хотя Мальчик никогда в жизни не видел настоящих живых фей, он сразу догадался, что это она. Только у феи могло быть такое ослепительно-изумрудное платье, изумрудные башмачки и такая же яркая ленточка в волосах.

Мальчик протянул вверх руку с лежащим на ладони лепестком шиповника:

- Возьми, пожалуйста, - сказал он.

- Спасибо! - ответила Фея и, взяв лепесток, склонилась в глубоком реверансе. Солнечные лучики заиграли в складках её наряда.

- Какая же ты маленькая! - восхищённо сказал Мальчик. - Ну, не больше моего мизинца!

- Я вовсе не маленькая - немного обиженно ответила Фея. - Мне столько же лет, сколько этому дереву.

- Неужели? - обрадовался Мальчик. - Вот здорово! Ведь это дерево мой Папа посадил, когда я родился. Значит, мы с тобой ровесники. А ты всегда живёшь на этом дереве?

- Да. Это дерево - мой дом.

Фея балансировала на самой кромке листочка, и Мальчик невольно подставил ладонь, чтобы она вдруг не упала с такой высоты.

- А на остальных деревьях тоже кто-нибудь живёт? - спросил он.

- Конечно! - Фея уселась на край листочка и болтала ножками в крохотных башмачках. - На каждом дереве живёт своя Фея.

- Но ведь есть деревья, которым уже помногу лет, это очень старые деревья... - Мальчик не договорил, но Фея его поняла.

- Да, мы старимся вместе с нашими деревьями.

- Значит, бывают Феи-старушки? Вот интересно, как они выглядят! Наверное, похожи на мою Бабушку?

- Может быть, - улыбнулась Фея.

- А что будет, если дерево спилят или срубят?

- О-о-о... - в глазах Феи блеснули крохотные слезинки. - Тогда мы умираем вместе с деревом, исчезаем, превращаемся в ничто...

От этих слов Мальчику стало не по себе. Ведь и сделанный из брёвен бабушкин Дом, и высокое крылечко с резными перилами и скрипучими ступеньками, и мебель в доме, и забор вокруг Сада - всё это когда-то было деревьями. Мальчик стал вспоминать, какие деревянные предметы в их городской квартире, в школе, на улице. Деревянные лавочки в скверах вряд ли помнят, кем они были, и какие прекрасные Феи жили в гуще зелёной листвы.

- Вы, наверное, ненавидите людей и боитесь их?

- Ну что ты, - успокоила его Фея. - Мы же всё понимаем. Пока вы ещё не научились обходиться без дерева. Просто жаль, что не всегда вместо спиленного дерева человек сажает новое.

- А как вы живёте зимой, когда снег и мороз?

- Зимой жизнь дерева замирает, зимой дерево как бы спит, и мы тоже, хотя мы можем появиться среди голых и холодных ветвей, но совсем ненадолго.

Казалось, что они разговаривали совсем недолго, что прошло не более получаса, но на самом деле Солнце уже стояло в зените, и на крылечке Дома появилась Бабушка, зовя внука обедать.

- Я сейчас, я скоро вернусь! - пообещал Мальчик Фее и побежал к Дому.

- Бабушка, Бабушка! - Мальчик не мог сдерживать переполнявшую его радость. - Я видел зелёную Фею! И мы с ней подружились!

- Тебе очень повезло, - ответила Бабушка. - Даже в детстве не каждый может её увидеть. Постарайся быть с нею добрым, ведь зелёные Феи приносят счастье.

Теперь почти всё время Мальчик проводил в саду под тем самым своим Деревом. Он совершенно забыл о купании на речке, про игры со сверстниками, и Бабушке стоило больших трудов хоть иногда отправлять его за пределы Сада, например, в магазин за хлебом.

Оказалось, что Фея очень любит сказки, и теперь Мальчик часами читал и перечитывал ей свои любимые книжки. Фея лежала на листочке, подперев голову рукой, внимательно слушала, весело смеялась, а в особенно печальных местах немного плакала, и крохотные слезинки, как роса, ложились на страницу книги.

Мальчик рассказывал ей о большом Городе, в котором он живёт, о своих родителях, о любимой собаке, которую он вырастил из маленького щеночка.

А Фея в свою очередь поведала Мальчику о таинственной жизни Сада, о деревьях, цветах и прекрасных бабочках. Она научила его понимать язык

птиц и по шелесту листвы определять, о чём говорят между собой деревья. Разноцветные бабочки садились к нему на плечи и птицы доверчиво склёвывали с его ладони крошки хлеба. А маленькая Фея танцевала в солнечном луче, и изумрудные искры от её наряда рассыпались по Саду. Мальчик был счастлив.

И как гром с ясного неба прозвучали однажды Бабушкины слова:

- Вот и кончились твои каникулы, внучек. Скоро в школу, и сегодня за тобой приедут родители.

- Уже? Сегодня? Но как же это? Ну, если бы ещё хоть несколько дней! Нам с Феей ещё нужно так много сказать друг другу!

- Милый мой, - вздохнула Бабушка. - Иногда для этого может не хватить и всей жизни.

Фея не слышала Бабушкиных слов, но, судя по её печальному виду, она догадывалась о предстоящей разлуке. Она уже не танцевала на листочке, а сидела вся поникшая, и даже её ослепительный изумрудный наряд потускнел.

- Каникулы кончились, - сказал мальчик, словно бы ни к кому не обращаясь.

Он услышал, как вздохнула маленькая Фея, и крохотная алмазная слезинка упала ему на запястье. Он поднял голову и в его взгляде появился лучик надежды.

- Милая Фея! Давай, я увезу тебя в Город! Я срежу для тебя самую красивую ветку с твоего дерева. А дома мы поставим её в самую красивую хрустальную вазу. И мы опять будем вместе!

Фея грустно покачала головой.

- Это невозможно. Мы, Феи, можем жить только на живых деревьях, а ветка всё равно засохнет, даже в самой красивой на свете вазе...

- Тогда мы с папой выкопаем твоё дерево и посадим его в городском дворе, прямо под нашими окнами.

- И это невозможно. Моё Дерево слишком выросло, посмотри, оно уже в три раза выше тебя, и его корни уходят вглубь на много метров. И я почувствую боль от каждой сломанной веточки, от каждого оборванного корешка.

- Но как же нам тогда быть?! - закричал Мальчик в отчаянии. - Я не смогу жить без тебя почти целый год! Я буду скучать!

- Я тоже буду скучать, - сказала Фея. - Я буду вспоминать все наши беседы, все сказки, которые ты мне прочитал и, может быть, тогда год пройдёт быстрее.

- Мы даже не сможем написать друг другу письмо, - сокрушался Мальчик.

- Это не важно, - успокоила его Фея. - Я всегда смогу передать весточку, даже если ты будешь далеко отсюда.

- Но как? - удивился Мальчик.

Фея проводила взглядом пролетающую мимо птицу, и Мальчик догадался, кто будет приносить ему весточки из Сада.

Назавтра поезд увозил Мальчика и его родителей всё дальше и дальше от Бабушкиного Дома, от Сада, от маленькой Феи. А в толстой книжке с любимыми сказками между страницами лежал крохотный лепесток дикого шиповника - прощальный пода-

рок зелёной Феи. Мальчик ничего не стал рассказывать родителям, он боялся, что они ему просто не поверят.

А потом наступила долгая дождливая осень, вскоре сменившаяся холодной зимой. Фея сдерживала своё обещание, и Мальчик действительно получал от неё весточки. Иногда на рассвете какая-нибудь птички несколько раз стучала клювиком в оконное стекло и улетала, но Мальчик знал, что она принесла ему привет от далёкой Феи.

За окном, снаружи, Мальчик повесил кормушку для птиц, и каждый день насыпал туда зёрнышки и хлебные крошки. Иногда какая-нибудь пичужка храбро садилась к нему на ладошку и склёвывала зёрнышки, загадочно поглядывая на него. У Мальчика сердце замирало от счастья, он чувствовал, что и эта птичка тоже послана ему Феей.

Когда наступила весна, и все деревья в Городе покрылись молодыми зелёными листочками, Мальчик вглядывался и вслушивался в каждое дерево, надеясь увидеть среди листвы изумрудное платье дриады. Но все его старания были напрасны. «Наверное, Феи, живущие на городских деревьях, очень осторожны и не хотят показываться людям», - думал Мальчик. А когда он увидел свеженадломленную ветку, то ощутил в себе какую-то странную боль.

Когда, наконец, пришло время каникул, вдруг выяснилось, что в это лето он не сможет поехать к Бабушке, так они всей семьёй отправляются к далёкому Морю.

Мальчик весь день плакал у раскрытого окна и просил прилетавших к кормушке птиц сообщить ма-

ленькой Фее, что они не увидятся нынче, но на следующее лето он обязательно придет в деревню, и пусть Фея не грустит и помнит его.

Море действительно было очень красивым. За лето Мальчик загорел и подрос. С собой в Город он привёз целую пригоршню красивых прозрачных камушков, которые сам собрал на берегу Моря, и большую перламутровую раковину, которая хранила в себе таинственный и далёкий шум морских волн. Мальчик часто прикладывал раковину к уху и слушал, слушал...

На следующее лето Папа, Мама и Мальчик опять уехали к Морю.

Прошли годы. Может быть тысяча, а может, всего несколько, но это уже совершенно не важно, потому что для каждого из нас время бежит по-разному. Мальчик вырос и превратился в Юношу.

Давно уже не было птичьей кормушки за его окном, а если какие-то птички стучали клювиками в стекло, то он не обращал на это внимания.

Однажды, незадолго до Нового года, Мама сказала ему:

- Сынок, может, ты поедешь навестить Бабушку? Ведь она так долго тебя не видела и очень соскучилась. Вот, прочитай её письмо, - и Мама протянула ему конверт.

Юноша прочитал Бабушкино письмо и обещал подумать. Он посоветовался со своей Девушкой, и они решили ехать встречать Новый год в деревне. Вдали от городской суеты, без привычной шумной

компании, без грохочущей музыки. Они нашли, что это будет весьма оригинально.

Накануне прошёл большой снегопад, и Бабушкин Дом утопал в сугробах. Пушистая бахрома окутывала деревья, кусты и зимний Сад выглядел как сказочное царство. Юноша расчищал от снега дорожки во дворе. А в доме вкусно пахло свежееиспечёнными пирогами. Шли последние приготовления к Новому году.

«Интересно, как выросло дерево, которое Отец посадил в год моего рождения? - подумал Юноша и направился в глубину Сада. - Где же оно? Вот это? Нет. И это не оно. Ах, вот оно какое огромное и сильное!»

Юноша прикоснулся к стволу тёплой ладонью. С задетой им ветки бесшумно осыпался снег. И вдруг наступила такая невероятная тишина, словно все звуки в мире одновременно исчезли. Странное ощущение охватило Юношу, какие-то далёкие и неясные воспоминания коснулись его души, но они были расплывчатые и неуловимы.

Да, он помнил, что совсем маленьким Мальчиком сидел под этим Деревом, читал тут книжки, бегал по этому Саду, слушал птиц и ловил красивых бабочек. Это была счастливая и безоблачная пора!

Юноша вздохнул, погладил рукой ствол дерева, оглядел могучую крону и пошёл обратно к Дому, стараясь наступать в оставленные собою глубокие следы.

Новый год действительно был необыкновенным! В углу комнаты поблёскивала игрушками настоящая ёлочка, распространявшая вокруг мягкий

запах хвои. На столе горели свечи, а за столом, уставленным яствами, сидели Бабушка, Юноша и Девушка. Они пили самое лучшее шампанское, кушали самые вкусные в мире пироги, испечённые Бабушкой, а в старенькой радиоле крутилась Бабушкина любимая пластинки со старым танго.

Всё было прекрасно, но вот только Юноша всё время ощущал, будто невидимая и необъяснимая печаль касается его своим крылом. Ему даже показалось, будто какой-то далёкий голос позвал его по имени. Юноша помотал головой, отгоняя наваждение.

Бабушка и гостья о чём-то говорили, доверительно склонившись друг к другу, но Юноша их не слышал. Печаль скреблась уже у самого сердца, и опять нежный серебряный голос позвал его издалека.

Юноша встал из-за стола, подошёл к окну и отодвинул плотную штору. Зимний Сад стыл в голубоватом лунном сиянии, пушистое снежное покрывало сверкало мириадами алмазных искорок. Юноша как заворожённый всматривался в картину ночного Сада, и всё более нарастало в его душе неясное беспокойство. Ему показалось, что за холодным оконным стеклом он видит чьё-то лицо, чей-то неуловимо знакомый облик, колеблющийся и туманный... В одно мгновение ему показалось, что это лицо девочки, но вдруг черты изменились, и вот уже на него из глубины сада смотрела незнакомая прекрасная девушка... Её губы чуть шевельнулись, и Юноша услышал отдалённый серебряный звон - это затихли звуки его имени.

Он замер в предощущении чего-то знакомого, близкого, родного, он почувствовал, что ещё немного, и он вспомнит, вспомнит...

Тёплые ласковые руки легли ему на плечи.

- Как красиво! - сказала Девушка, обнимая его.
- Какой чудесный вид из окна!

Серебряный звон внезапно оборвался, будто колокольчик накрыли ладонью, и неведомый облик медленно растаял за окном.

Остались только Сад, луна и снег.

- Да, - сказал Юноша. - Это действительно очень красиво.

Руки Девушки лежали у него на плечах, и он не ощущал больше ни тоски, ни печали. Мир был прекрасен и полон счастья. Юноша опустил штору, обнял Девушку, и они направились к столу, где у самовара хлопотала Бабушка, наливая ароматный чай.

Через день Юноша и Девушка уехали обратно в Город, пообещав Бабушке навещать её почаще.

И жизнь снова пошла своим чередом. Всё было как всегда: закончилась суровая зима, природа вздохнула и стала одевать своё зелёный наряд, потом было жаркое лето, и снова наступила осень.

Всё действительно было как всегда. Вот только то самое Дерево, на котором жила маленькая Фея, не зашумело в эту весну зелёной листвой. Оно так и стояло посреди цветущего Сада, засохшее, страшное, мёртвое, и даже птицы избегали садиться на его безмолвные ветви.

ПРИТВОРЯШКА

Ночью мне приснился океан и крохотный островок, на обрывистом берегу которого стояла Бетти. Я кружил на модуле над островком, понимая, что не смогу сесть: машина не слушалась рулей, её постоянно сносило в сторону. Клочок суши всё уменьшался, уменьшался в размерах, пока не превратился в сверкающую, как звезда, точку посреди тяжёлых волн...

- Бетти-и..!..

Я проснулся от собственного крика. В каюте был полумрак, и пространство наполнял ровный мягкий гул двигателей. Табло на панели показывало, что до начала моего дежурства было ещё два часа с лишним.

Немного справа, на полочке, утопленной в стену каюты, стояла небольшая вазочка из чёрного меркурианского обсидиана, а в ней - крохотная ветка с засохшими бурыми листочками. Это, глядя на неё, я каждое утро говорю: «Привет, Бетти!».

Двигатели плавно перешли на иной режим, и лёгкая вибрация волной пробежала по корпусу корабля и внутренним переборкам. Ветка в вазе тоже дрогнула, затрепетала, как живая, и заскользила туда-сюда по отполированному краю.

- Привет, Бетти! А ты мне сегодня приснилась.

Я включил освещение и стал одеваться. Пол под ногами снова мелко задрожал, и прерывистый

тонкий звуковой сигнал возвестил о том, что наш корабль готовится к выходу из гиперпространства. Через несколько минут мы вынырнем из неосязаемой черноты в очередную звёздную систему.

На звездолёте «Икар» мы совершали инспекционный облёт пригодных для жизни, но ещё не заселённых планет, находящихся в различных галактиках. Эти планеты находились в резервном фонде и предназначались для освоения людьми в далёком будущем. На планетах были установлены радиомаяки, отмечающие дату очередной проверки и хранящие всю необходимую информацию. Промежутки между проверками колебались с разницей и в пятьдесят, и в сто лет, естественно, в масштабах собственного времени планеты.

Большинство планет были стабильными во всех от-ношениях и даже за сто лет они абсолютно не менялись. Той же оставалась средняя температура атмосферы, уровень океанов и, как следствие, очертания материков.

Мы тщательно обследовали очередной объект, сравнивали наши показания с данными предыдущей проверки и оставляли всю информацию в блоке памяти маяка. Лет через сотню сюда прилетит другой инспекционный корабль и сравнит наши показания со своими.

«Икар» был громадным межзвёздным гиперпространственным звездолётом, по своим техническим характеристикам не приспособленным для посадки на планеты, потому он всегда оставался на орбите, а вниз, в атмосферу исследуемого космического объекта, мы спускались на небольшом космолёте, имеющем

в своей комплектации ещё и пару вовсе малых, двухместных реактивных модулей, предназначенных для облёта планеты и исследования поверхности.

По внутреннему корабельному времени прошло уже более десяти лет с тех пор, как мы случайно встретились с Бетти на ничем не примечательной планете в далёкой галактике, находящейся чуть ли не на задворках Вселенной.

Мы с моим напарником Филиппом посадили космолёт на побережье самого большого континента в соответствии с направленным сигналом радиомаяка. Тщательное исследование показало, что за сто условно-планетарных лет здесь ничего не изменилось. Планета была образцом стабильности.

Результаты проверки мы сбросили на бортовой компьютер «Икара», внесли данные в память маяка. Вернувшиеся после облёта планеты зонды-разведчики, похожие на огромных серебристых стрекоз, лежали ровным полукругом на песке, и я по одному затаскивал их внутрь космолёта и укладывал в специальные гнёзда.

Вот и всё. Со дня предыдущей проверки прошло около сотни лет. Меня тогда ещё не было на свете, и уже не будет ко времени прилёта сюда очередной экспедиции. Слишком коротка человеческая жизнь в масштабах Вселенной.

Я удивился собственной сентиментальности. За многие годы моей работы насмотрелся на красоты и ужасы чужих миров, и мне всегда казалось, что уже ничто не в состоянии удивить меня или потрясти.

Стоя в проёме люка, я смотрел на лениво-зеленоватый океанский простор, на жемчужное небо с неярким, но тёплым солнцем, и чувствовал, как странная печаль тонкой змейкой просачивается в сердце...

Зелёный океан манил, притягивал, обещал...

С проверкой мы справились досрочно, у нас ещё было немного времени, и я решил напоследок, на прощание пролететь над океаном.

Филипп не возражал против моей прогулки. Ещё когда мы сюда приземлялись, ему показалось, что двигатель немного фонит, хотя, честно говоря, я этого не заметил. Может, у меня не такой тонкий слух? Да и приборы ничего не зафиксировали. Но Филипп снял панель и ковырялся среди проводов.

- Слетай, слетай, - пробормотал он, даже не поворачиваясь ко мне. Я ещё немного постоял, посмотрел на его спину и пошёл в шлюзовую камеру, где стояли модули.

Я не слишком задумывался над тем, какой выбрать для полёта и, судя по всему, выбрал не тот.

Уже через полчаса левый двигатель модуля чихнул, как-то странно задрезжал и внезапно замолк. Этого мне только не хватало!

Вокруг простирался сплошной океан, до берега, невидимого за горизонтом, были тысячи миль. На одном двигателе мне не дотянуть до спасительной суши. Конечно же, мой модуль не утонет, если приводниться на океанскую поверхность, но сделать ремонт в таких условиях я не смогу.

В жизни моей случались переделки и похуже, поэтому я не очень-то испугался. Филипп вполне мо-

жет прилететь за мной на втором модуле и вплавь отбуксировать мою машину к берегу. Но это будет долго и займёт всю ночь. Можно бросить неисправный модуль и улететь с Филиппом. Оба варианта были плохи, так как в обоих случаях нам не избежать гнева Капитана за опоздание и потерю транспортного средства. И мне придётся долго объяснять начальству, почему я, раздолбай этакий, перед вылетом не проверил двигатели.

Модуль ощутимо кренился влево, и мне стоило больших трудов удерживать его в равновесии. Бортовой компьютер искал варианты спасения в виде хоть клочка суши, и, наконец, выдал мне информацию, что в нескольких минутах лёта имеется небольшой островок. На мониторе уже зависло коричнево-жёлтое неровное пятнышко, поверх которого мелькали цифры, указывающие курс полёта, расстояние, площадь суши, высоту над уровнем океана и даже химический состав почвы... Последнее меня интересовало меньше всего.

Модуль болтался в воздухе, как бабочка с оторванным крылом. Я перевёл двигатель в режим вертикальной посадки и завис над крошечным островком, опасаясь промахнуться, поскольку размер этой «посадочной площадки» был ничтожно мал: метров десять в длину и примерно столько же в ширину. А если ещё учесть, что модуль всё время мотало и дёргалось...

На этот спасительный клочок суши я и посадил свой аппарат. Правда, «посадил» - это было бы слишком громко сказано. Мы с модулем в последний раз изящно кувыркнулись в воздухе и пошли носом

вниз, так как и оставшийся двигатель вдруг сбавил обороты. Я мысленно попрощался с работой, перспективами на будущее и с жизнью в целом.

Но, к нашему общему с модулем счастью, мы врезались не в скальный грунт, а в какую-то песчаную ямку на южной оконечности островка. Промаяхнулись мы на пару метров, - модуль плюхнулся бы в воду. А глубина здесь начиналась сразу же бездонная, островок был похож на гигантский палец, торчащий над поверхностью океана.

Нос машины на треть зарылся в песок под небольшим углом. Я вылез из кабины и реально оценил обстановку. Предстояло не только отремонтировать заглохшие двигатели, но и освободить аппарат из песчаного плена. Прикинув объём работ, я понял, что не управлюсь до сумерек, которые наступят через несколько часов. Связался с Филиппом и изложил ему свои соображения. Решили, что до темноты буду откапывать модуль, а утром займусь ремонтом. Но если мой напарник отнёсся к случившемуся спокойно и рассудительно, то этого нельзя было сказать о Капитане «Икара», которому я доложил о непредвиденной задержке. Он минут десять бушевал в эфире, проклиная этих юных мерзавцев, которые не могут сделать простую работу и постоянно ищут приключений на свою голову. По нашей милости «Икар» теперь выбьется из полётного графика и, следовательно...

Я молча слушал. Потом Капитан остыл и спросил уже совсем иным тоном:

- Сам справишься, сынок?
- Справлюсь, - заверил я. Куда бы я делся?

Итак, что мы имеем? Я обошёл свой остров по периметру. На северной оконечности, на краю обрыва, вцепившись корнями в каменистую почву, стояло крохотное деревцо, едва достигавшее моих колен. Откуда тут дерево? Держась от него на безопасном, предписанном правилами, расстоянии, я рассматривал растение. Судя по внешнему виду, ему очень нелегко жилось на этом клочке земли. На нескольких веточках листья потемнели и свернулись, остальные, ещё зелёные, весело трепетали под порывами слабого ветерка. Выходит, что не один я был пленником этого острова.

Свои владения я обошёл быстро и более не обнаружил ничего примечательного. Порывшись в багажном отделении, среди прочих инструментов нашёл лопату и приступил к работе. К сумеркам, ценой нескольких мозолей на ладонях, я откопал нос модуля, и его корпус принял горизонтальное положение.

Еды у меня с собой не было. Только вода в небольшой фляжке, висевшей на поясе. Я выпил водички и любовался океанским закатом. Солнце скатывалось вниз, расцвечивая поверхность волн абсолютно нереальными красками. Но мне было не с кем разделить свой восторг. Глянул на север, - в последних лучах заходящего солнца виднелось маленькое деревцо на обрыве.

- Спокойной ночи! - сказал я и, помахав ему рукой, полез в кабину модуля.

Спал плохо, несколько раз за ночь просыпался и сквозь прозрачный купол разглядывал чужое звёздное небо. О том, что вокруг меня океан, а подо

мной такой крохотный и с виду ненадёжный остров, старался не думать.

Когда уже достаточно рассвело, позавтракал оставшейся во фляге водой и приступил к ремонту, постоянно консультируясь с Филиппом. Я ничуть не хуже него разбираюсь в технике и мог спокойно всё починить сам, но было просто одиноко и неудобно на этом каменном пальце, потому я постоянно был на связи с напарником, болтая не только о ремонте, но и о разных пустяках. Например, об этом странном деревце, неизвестно как здесь выросшем. Ему от силы было года два-три.

Решив сделать небольшую передышку, я сел на песок и прислонился спиной к корпусу модуля. Глядя на деревцо, представил себе, как ветром принесло крохотное семечко, как оно, по счастливой случайности, упало в трещину в грунте, как, спустя некоторое время, проклюнулся маленький зелёный росточек.

И тут у меня появилось ощущение, что здесь что-то не так, что вчера вечером деревцо стояло немого левее. Вон тот камушек на берегу был к нему гораздо ближе. А может, я не с той точки смотрю? Решив проверить, я осторожно пошёл к растению.

Холодок пробежал по спине, когда увидел, что стоит деревцо уже не на краю обрывчика, а в полуметре от него. Причём, стоит так, будто росло здесь всегда. На песке лежало несколько пожелтевших листьев.

А может, мне вчера померещилось? Какие-то полметра... Память же услужливо подсовывала яркую картинку из дня вчерашнего: деревцо на самом

обрыве, стоит, наклонившись, будто собирается упасть в воду.

Нужно скорее заканчивать ремонт. Я что-то откручивал, завинчивал, менял детали, весело болтал с Филиппом и упорно не оглядывался. Я очень не хотел, чтобы картина за моей спиной изменилась.

Наконец, закрутил последний болт на обшивке, провёл ладонью по корпусу и стал собирать инструменты. Через пару минут я улечу. Я повернулся...

Деревцо стояло в нескольких шагах от меня. Ну, это было уже слишком! Не отрывая взгляда от кудрявой кроны, я протянул руку назад и вытащил тяжёлый гаечный ключ. Другого оружия у меня не было, бластер остался в космолёте. Не надев перед полётом спецкостюм, в принципе, я был беззащитен.

Я знал, что деревья иногда представляют собой такую же опасность, как и любые иные формы жизни. Как-то на одной из планет мы наткнулись на деревья, которые выстреливали ядовитым соком, прожигающим лёгкие скафандры, а острые шипы на их ветвях наполовину пробивали керамические пластины корпуса космолёта. Бродящие деревья мне ещё не встречались, и моя осторожность была вполне оправдана.

Медленно, стараясь не делать резких движений и держа наготове гаечный ключ, я задом забираюсь в кабину и почувствовал себя в безопасности, только когда надо мной хлопнула полусфера фонаря кабины.

Отбросив в сторону ненужное «оружие», я уселся поудобней и стал проверять, как работают бортовые системы. Можно было взлетать.

Повернув голову влево, увидел, что деревце стоит у самого модуля, и тонкие веточки его касаются корпуса. При вертикальном взлёте оно просто сгорит под дюзами.

- Ну, как ты там? - раздался голос Филиппа.

- Сейчас взлетаю, - ответил я, прислушиваясь, как ветки царапают обшивку модуля. И царапают настойчиво, упорно...

- Отойди! - процедил сквозь зубы, глядя сверху вниз на кудрявую крону. - Отойди, а то сожгу...

Я смотрел на него, пока не заслезились глаза. Оно словно раздумывало, но вот веточки дрогнули, крона чуть наклонилась, и я увидел, как из песка показались маленькие разветвлённые корешки. Они задвигались, засуетились, стряхивая песок, и деревцо начало медленно отодвигаться от модуля. Казалось, что оно скользит по ровной гладкой поверхности. Вот оно осторожно и плавно обошло торчащий из земли камень с острыми краями и медленно, по прямой, направилось к своему обрыву на северном склоне. Добрело, остановилось и замерло, чуть наклонившись над плещущими внизу волнами.

Всё это время я старался унять в душе непонятное смятение. Самое странное было в том, что мне казалось, будто оно стоит ко мне спиной. Стоит и смотрит туда, на север, где за далёким горизонтом скрывается континент.

Не знаю, почему, но я сделал несколько кругов над островом. Мой путь тоже лежал на север. Через полчаса посадил модуль на песчаный берег.

Пока я торопливо и жадно поглощал свой вчерашний ужин и сегодняшний завтрак, Филипп на

мониторе компьютера выкладывал мне результаты своих личных исследований. Получалась очень интересная картина. За тысячу лет (со времени открытия и регистрации) на планете было проведено полтора десятка проверок, и состояние её было признано стабильным. Не изменились очертания материков, не ушли под воду многочисленные острова, на месте стояли горные хребты и по тем же руслам текли реки. Даже представители немногочисленной фауны практически не изменились. А вот её величество флора вела себя, по меньшей мере, странно. И на эту странность, продолжающуюся уже без малого тысячу лет, почему-то не обратили внимания ни посещавшие планету инспекторы, ни исследователи в Космоцентре, куда стекалась вся информация о состоянии подконтрольных космических объектов.

Филипп показал мне в последовательном порядке все пятнадцать снимков нашего материка. Снимки были сделаны зондами из стратосферы.

Первый снимок. К югу от горной цепи простираются леса. Ко времени второй проверки, где-то через восемь десятков лет, леса тут нет и в помине. Ровная степь с блёклой травой. На момент третьей проверки степь частично оказалась покрытой лесами. Я бегло посмотрел остальные снимки. Всё было ясно. Деревья свободно разгуливали по матерiku в поисках более питательной почвы. А может, они вовсе и не деревья. И, притворяясь ими, они замирали в неподвижности на время присутствия человека.

Выходит, что мы были первыми, кто обнаружил их способность к передвижению. И то, случайно. По причине моего разгильдяйства.

- Сколько же лет они живут? - спросил я.

Филипп вывел на экран данные первой экспедиции. На мониторе возникло изображение среза ствола с годовыми кольцами. Этому было лет пятьсот. Но в данных указывалось, что были экземпляры и больше, и старше.

- Как же они его спилили?

- Спилили, - вздохнул Филипп. - Нужны были данные, образцы, анализы. Но с тех пор никогда и ничего не трогали.

Я включил обзорные экраны. К югу от нас лениво колыхался океан. С северной стороны, на расстоянии нескольких километров, стояла стена леса. Неподвижная тёмно-зелёная стена. Они ничем не выдали себя, даже когда тысячу лет назад лазерная пила рассекла тело одного из них. Помнят ли они это? Способны ли к сочувствию? Страшно ли им было тогда?

Интересно, за прошедшую ночь лес придвинулся к нам или отошёл? Я поставил изображение на максимум и прошёлся вдоль кромки леса.

Вот оно! Есть! Самые мощные деревья стояли на границе леса, а за ними просматривались деревья поменьше и совсем тонкие росточки. Леса так не растут. Так стоит стадо, где взрослые особи защищают своё потомство. Стража выглядела внушительно, стволы в три обхвата. Такая колонна легко могла бы расплющить наш космолёт, вздумай вдруг упасть...

- Здесь как раз проходят сильные океанские течения, и ветер чаще всего дует в южном направлении, - подытожил Филипп.

Теперь нам было понятно, как маленькое деревцо оказалось на крохотном островке. Скорее всего, перед нашим прилётом древесная мелочь весело резвилась на прибрежном песочке, как резвятся любящие дети во Вселенной. Кто-то из них подошёл слишком близко к воде, корешки не удержались в песке, а течение и ветер довершили остальное.

Сородичи ничем не могли ему помочь. Вряд ли они обладали способностью плавать в нужном направлении. Малышу ещё повезло, что на его пути оказался этот остров, за обрывистый берег которого он сумел зацепиться корнями и даже выбраться наверх.

Деревцо поняло мою не очень вежливую просьбу отойти от модуля. А вот я его не понял. Не понял, зачем оно шло ко мне, к чужаку и врагу, через островок, когда в отчаянии царапало веточками обшивку и потемневшие бурые листочки падали на песок.

Филипп словно прочитал мои мысли.

- Там нет питательной почвы. Песок и камень.

К действительности нас вернул голос Капитана.

- Чем вы там занимаетесь? Вы уже давно должны быть здесь!

- У нас тут проблема, - сказал Филипп невероятно озабоченным голосом. - Взлететь не можем. Реле барахлит. Я его сейчас заменю и...

Одновременно с этими словами Филипп махнул рукой в сторону шлюзовых камер. Дальнейшей его беседы с Капитаном я уже не слышал, потому что мчался в указанном направлении.

Больше всего на свете я боялся, что не успею долететь до острова.

Деревцо лежало на берегу, и любой порыв ветра мог снести его в воду. Все листья потемнели, и корешки тоненькими безжизненными верёвочками лежали на камнях. Я бережно, словно ребёнка, уложил его на соседнее сиденье. «Потерпи, потерпи, малыш, его немного, и мы будем дома», - говорил я, выжимая из двигателей всё, что можно. Зелёный океан стремительно проносился под нами.

Потом я мчался по песчаному берегу в сторону леса, неся на руках спасённое деревцо, а сзади, тяжело дыша, бежал Филипп с лопатой в одной руке и с бластером в другой.

Мы остановились под кроной огромного дерева, ствол которого уходил ввысь на десятки метров. Отбросив в сторону бластер, Филипп торопливо вырыл в мягком грунте ямку, и мы опустили туда деревцо. Я держал за ветви, а напарник бережно присыпал корешки землёй.

Земля под нами ощутимо дрогнула, и нам показалось, что массивный ствол чуть-чуть шевельнулся.

- Отходим! - прошептал Филипп, подхватывая с земли лопату и бластер.

Сначала мы медленно и осторожно пятились, а потом, отойдя на безопасное расстояние, развернулись и побежали к космолёту. Погони не было. Лес так и стоял неподвижно и тихо. И я по инерции называл его лесом.

Наше случайное открытие всё радикально меняло. Человек абсолютно не сможет сосуществовать с этими флоро-фаунными созданиями, поскольку города, дороги, космодромы, подземные коммуникации станут серьёзным препятствием для передвижения последних. И кто знает, к какому конфликту это приведёт, и на что способны эти, на вид безобидные, деревья, составляющие единое целое с выросившей их планетой. Двухногим чужакам, стремительно расселяющимся по Вселенной, здесь явно нет места. В Межгалактическом Кодексе даже особый пункт имеется, предусматривающий подобную ситуацию.

На этот пункт и сослался наш Капитан, докладывая в Центр о случившемся. Потеря одной планеты мало что значила для человечества, ибо в Резервном Фонде их были многие тысячи, уже открытых, контролируемых, и сколько ещё будет обнаружено и добавлено к бесконечному списку...

Мы сидели в космолёте, смотрели через иллюминаторы на лес и ждали указаний.

- Всё! - в голосе Капитана не было даже единой нотки сожаления. - Закрывайте планету!

Закреть - означало ликвидировать маяк и тщательно убрать за собой место стоянки, чтоб ни одна пластиковая бутылка, ни одна гаечка, ни один чужеродный этой планете предмет здесь не остался.

К вечеру маяк был демонтирован, его составляющие перенесены в космолёт, и теперь мы в буквальном смысле «подметали» за собой, исследуя всю прилегающую территорию. Собственно нашего мусора было немного, но обнаружилось кое-что чужое,

оставленное предыдущими экспедициями. Филипп складывал находки в пластиковый мешок. Потом всё это добро сгорит в аннигиляционной камере «Икара», как и прочий ненужный мусор, всегда почему-то остающийся после людей.

- А у нас гости! - сказал Филипп, удивлённо глядя на что-то за моей спиной. Я обернулся.

У трапа космолёта стояло... или стоял... или стояла... Я затруднялся с определениями. Внешний вид ничего не значил. Лишь по виду дерево, а что там внутри, под корой, в тончайших капиллярах древесины (древесины ли?), в прожилках каждого листочка...

Мы опустились на песок возле трапа.

- Привет, - сказал я, осторожно коснувшись пальцем крайнего листочка. - Мы рады, что у тебя всё хорошо. И рады тебя видеть.

Листочки на дереве затрепетали, хотя не было ни малейшего ветерка. Может быть, оно так разговаривает? Но мы не могли его понять и не могли ответить.

Мы просто сидели на тёплом песке, смотрели, как садится солнце, а деревцо всё лопотало, лопотало что-то на своём чудном древесном языке.

Когда густые сумерки окутали всё вокруг, скрадывая очертания и искажая перспективу, Филипп включил внешний прожектор.

- Ну, вот и всё, - сказал я, держа в ладонях крохотный листок, как маленькую ладошку. - Мы улетаем. Давай прощаться...

В течение получаса мы ласково убеждали нашего гостя отойти от космолёта. Объясняли про-

стыми и, как нам казалось, вполне понятными словами, что его ждут, очень ждут сородичи. Что оно очень хорошее, красивое, умное и мы его никогда не забудем, путешествуя по бескрайним просторам Вселенной.

Филипп даже попытался взять несговорчивого гостя на руки и отнести подальше, но не тут-то было. Своими длинными, гибкими корешками наш гость намертво вцепился в решётку трапа, и оторвать его было невозможно. Мы попытались вручную, аккуратно освободить трап от захвата, но наши двадцать пальцев не справлялись с сотнями корешков, по крепости своей напоминающих стальную проволоку.

- Чего он хочет? - в отчаянии произнёс Филипп. - Чтобы мы не улетали, или...

Ну, конечно же, или... Вслед за нами деревцо проворно вскарабкалось по трапу и оказалось внутри. Прощуршав корешками по металлическому полу шлюза, оно скрылось в полумраке осевого коридора. Такого поворота событий мы не ожидали. Филипп пожал плечами и вопросительно посмотрел на меня. В ответ я развёл руками.

Мы оба понимали, что наш поступок был импульсивным, необдуманым, но старались отогнать от себя эти тревожные мысли. Особенно после того, как нашли нашего пассажира, забившегося в тёмный угол и очень похожего на несчастного бездомного щенка, который наконец-то обрёл кров.

За время полёта мы успели обсудить план дальнейших действий, и, когда космолёт нырнул в огромное и надёжное нутро «Икара», проблемы, связанной с нашим гостем, уже не существовало.

Филипп завернул деревцо в свою куртку и понёс в корабельную оранжерею, единственное подходящее для нашего гостя место.

Оранжерея занимала почти четверть площади звездолёта, исправно снабжая многочисленный экипаж свежими овощами и фруктами. Хозяином этого рая был Ян - двоюродный брат Филиппа. Он был одновременно и агрономом, и ботаником, и биохимиком, и ещё кем-то там, что позволяло ему заниматься научной работой и опытами в области селекции растений в космических условиях. В помощниках у Яна состояли три робота, которые никак не могли выдать нашу тайну, потому что для них ничего не значило появление ещё одного растения среди тысяч прочих.

Ян подобрал для нашего гостя подходящий питательный состав почвы, и вопрос жизнеобеспечения был решён. Вскоре вместо опавших листочков на веточках появились новые.

Деревцо оказалось очень непоседливым и бродило по всей оранжерее, шелестя листвой на все лады. Но и понятливым. При появлении посторонних оно стремительно ныряло в зелёные заросли и застывало, притворяясь просто маленьким деревом, ничем не примечательным, без цветов и плодов. На него никто и внимания не обращал.

Наш с Филиппом приход в оранжерею всегда вызывал у него бурю эмоций. Оно шелестело всеми листочками, царапало корешками по полу и весело, со щенячьей радостью носилось вокруг нас.

Ян поднял всю информацию, касающуюся этих существ. Какой-то умник из первой экспедиции дал им название: Беттилиус Гигантус. Так у нашего де-

ревца появилось имя - Беттилиус, которое со временем трансформировалось в более удобное - Бетти. Ян даже полагал, что это особь женского рода. Во всяком случае, имя ей очень подходило.

Во владениях Яна она прожила месяц.

Не знаю, как ей удалось выбраться из закрытой и совершенно изолированной оранжереи. Шурша корешками по полу коридора и радостно трепеща каждым листочком, Бетти бодро топала навстречу новым впечатлениям. Идущий навстречу механик с воплем шархнул в сторону. На крик из кают выскочило несколько членов экипажа.

Просто чудом можно назвать то, что я оказался в этот миг неподалёку и, нутром почувствовав неладное, бросился на крики в пятом секторе. Успел. Потому что один очень впечатлительный и нервный уже держал в руках бластер...

Через час о Бетти знал уже весь звездолёт, а мы с Филиппом стояли навтыяжку в каюте Капитана. В коридоре за дверью, в ожидании приговора, томился Ян с Бетти на руках.

Именно мнение Яна оказалось решающим. Он смог убедить Капитана, что Бетти является абсолютно безопасным для человека существом. Которое при необходимости может притвориться деревом.

- Притвориться, значит... - пробормотал Капитан, внимательно разглядывая стоящую посреди каюты Бетти. У нашей скромницы ни один листочек не шевельнулся, ни один корешок не дрогнул, застыла, опустив несуществующие ресницы...

Перечисление и демонстрация достоинств Бетти заняли больше часа. Самым весомым был факт, что

она понимала человеческую речь и за месяц научилась от нас многому. По нашей просьбе крутилась волчком, ложилась на пол и вставала, в такт музыке поднимала и опускала веточки. Проявляя способности к счёту, на слово «пять» она поднимала вверх пять листочков. Но больше всего Капитана поразило то, что Бетти, зажав в корешках маркер, корявыми буквами написала на пластике пола наши имена: Алекс, Филипп, Ян... Потом, немного подумав, дополнила список: Бетти.

- Притворяшка, - хмыкнул Капитан. Мы облегчённо вздохнули. Напоследок он поинтересовался у Яна о перспективах роста нашей гостьи. Роста физического. Это было немаловажно.

Наш предусмотрительный ботаник вычислил, что Бетти достигнет критических размеров примерно лет через десять. Потом она станет царапать кроной потолки коридоров и с трудом будет протискиваться в дверные проёмы. В оранжерее потолки в несколько раз выше, но, поселившись там, Бетти навсегда станет пленницей зелёного рая. Поднимется кроной выше наших потолков и застрянет в оранжерее, как огурец, выращенный в бутылке.

К десятому году мы должны были найти вариант и куда-то пристроить нашу очаровательную притворяшку. Вернуть её на родную планету мы не могли, «Икар» с каждой секундой стремительно удалялся от этой звёздной системы.

Бетти всё поняла. Она подняла вверх десять листочков и приветственно ими помахала. Капитан ещё раз хмыкнул и попросил, чтобы мы всё же приглядывали за ребёнком. Не дай Бог, куда залезет

или заблудится в многокилометровых коридорах «Икара».

Но Бетти ни разу не заблудилась. И через пару недель свободно ориентировалась в лабиринтах звездолёта, заглядывая ко всем в гости. И все были ей рады: пилоты, штурманы, бортмеханики, медики и даже суровые десантники. Только наш корабельный кок очень огорчился, что не может угостить Бетти чем-либо вкусеньким.

Она не доставляла никому никаких хлопот и не создавала проблем. Ближе к ночи, с удивительной пунктуальностью, возвращалась в оранжерею, забираясь в свой ящик с питательным грунтом, зарывалась в него корешками и «спала» до утра.

К нам с Филиппом она была привязана более чем к остальным. Может быть, потому, что именно мы были её спасителями. И первыми учителями в чуждом ей человеческом мире.

Когда мы спускались на поверхность очередной обследуемой планеты, Бетти брали с собой. Пока мы занимались привычной рутинной работой, она всю резвилась на просторе, бегая вокруг. После, видно, устав, «заземлялась» и блаженно замирала, вбирая в себя тепло чужого солнца.

Шли годы. Бесконечная череда планет проходила перед нашими глазами, и не было конца нашему пути.

Бетти росла и уже была мне до плеча. Однажды она спасла мне жизнь. Правда, ценой нескольких своих веток...

Кусок обрывистого берега под моими ногами неожиданно с шумом и грохотом ушёл вниз, и я повис над пропастью, цепляясь пальцами за жиденькие кустики жёсткой травы. Стоявшая неподалёку Бетти не растерялась и в тот же миг, намертво вцепившись корнями в землю, рухнула плашмя, и её макушка оказалась точно около моих рук. Хватаясь за тонкие ветки, обламывая их, я сумел выбраться наверх.

Ян аккуратно, специальным составом, обработал её раны. Механизм регенерации у моей спасительницы работал исправно, и через несколько недель из обломанных концов проклюнулись молодые веточки.

За моё спасение Бетти удостоилась личной благодарности Капитана. Может, со стороны это выглядело бы странно, но для нас происходящее было уже в порядке вещей. После речи Капитана весь свободный от вахты личный состав, собравшийся в самом просторном помещении, дружно отдал Бетти честь. Она же в ответ изобразила что-то вроде старинного реверанса. Было очень трогательно.

Мы с Филиппом рассказывали ей о бесконечной Вселенной, о далёких галактиках, в которых уже побывали, и о тех, которые никогда не увидим, о звёздах, системах и планетах. Бетти стояла рядом с «смотрела» на монитор. Мы не знали, как и чем она воспринимает информацию, всё ли понимает и как к этому относится. Но, во всяком случае, когда Филипп показал ей изображение нашей солнечной системы и нашей планеты Земля, Бетти восторженно зашелестела листьями.

Постепенно мы научились различать многие оттенки этого шелеста, которые определяли её настроение, её реакцию, желания или просьбы. «Да» и «нет» звучали совершенно по-разному, а «привет» отличалось от «пока». Словарь общепонятных нам слов был невелик, но и этого вполне хватало для беседы.

Иногда, правда, она что-то «говорила», рассказывала и даже махала листочками, а мы не понимали, ни слова. Хотя во всём соглашались и дружно кивали головами, сожалея, что Бетти не умеет говорить. Её познания в грамматике не пошли дальше написания наших имён. Бетти упорно отказывалась писать маркером другие слова, и в недовольном шелесте листы явно слышалось «ах, оставьте меня в покое!..»

«Икар» периодически швартовался к какой-нибудь космической пересадочной станции, и это было хотя недолгим, но, всё же, развлечением для экипажа, годами болтающегося в Космосе. Можно было посидеть в баре, поглазеть на бесконечный поток прибывающих и убывающих пассажиров, поболтать со знакомыми пилотами с других рейсов.

Вскоре на всех станциях по маршруту нашего следования знали про Бетти. Информацию о ней развозили во все концы пилоты и пассажиры других кораблей. Мы ещё только причаливали к очередной станции, а у входа в шлюзовые камеры уже толпились любопытные. Все хотели посмотреть на «умное дерево». Каждый норовил оторвать на память листочек, поэтому нам приходилось исполнять обязанности личных телохранителей.

Бетти вела себя, как кинозвезда. Она раскланивалась, жеманно шелестела листочками и, конечно же, давала автографы, ставя своё знаменитое имя на бумажных листах, каких-то коробках, упаковках, на рукавах курток и даже на чьих-то ладонях. У Бетти появились поклонники, а группа фанатов даже создала Межгалактический клуб её имени.

Предприимчивые космические торговцы уже развозили во все уголки Вселенной куртки, чашки, тарелки и значки с изображением нашей притворяшки. А на одной из станций мы обнаружили продающуюся в баре книгу «История Бетти», в которой, естественно, было 90% вымысла, но издание пользовалось успехом.

Из Центра на «Икар» пришло сообщение, в котором далёкое и высокое начальство требовало незамедлительно прекратить «этот балаган». Но разве можно остановить цунами, космический вихрь или взрыв сверхновой?..

От нас уже мало что зависело, и всё же Капитан сумел убедить чиновников, что наше «умное дерево» ничем не хуже корабельного кота, пса или птички в клетке. Опасности не представляет и не мешает выполнению ответственного задания. Капитан обладал непререкаемым галактическим авторитетом, и нас оставили в покое. Бетти долго благодарно шелестела листочками, стоя посреди Капитанской каюты, и суровый космический волк, расчувствовавшись, потрепал её по макушке. Мы не присутствовали при этой «беседе», но, пробежавший мимо по коридору и случайно заглянувший в открытую дверь, бортинженер уверял, что всё было именно так.

Когда макушка Бетти впервые царапнула потолок коридора, наш «Икар», нарушая график и правила, нёсся через гиперпространство в точку «икс», где нас ждал чужой, незнакомый и нигде не зарегистрированный звездолёт космических рейнджеров.

Не вдаваясь в подробности, Капитан объяснил экипажу, что командиром этого корабля является его давний друг, который согласился доставить нашу Бетти в далёкую и неизвестную нам галактику, на обитаемую планету с подходящим климатом и почвой. В их владениях находилось такое райское местечко, и они были готовы пожертвовать им ради нашей любимицы.

Мы долго объясняли Бетти суть проблемы и пути решения вопроса. Рейнджеры сбросили нам изображение её будущей родины, и Бетти, стоя у экрана, долго с сомнением шелестела листьями. Взвешивала все «за» и «против». Победило первое.

До точки «икс» по корабельному времени были ещё почти сутки, и Бетти успела попрощаться с каждым членом экипажа. Когда она возникла на пороге моей каюты, моё сердце сжалось от внезапно нахлынувшей тоски. Я не знал, что говорить. Слова были просто словами и не имели никакого значения.

Бетти просунула одну из своих ветвей в щель дверной панели и с силой дёрнула в сторону. Раздался хруст, небольшая веточка упала к моим ногам. Я осторожно поднял её и хотел что-то сказать, но Бетти уже исчезла. Был слышен только затихающий уда-

ляющийся по коридору шорох корней и печальный шелест листвы.

Мы бережно перевели Бетти через систему шлю-зов на чужой звездолёт и он тотчас же отбыл в только ему известном направлении.

На «Икаре» все ходили грустные и подавленные. Штурман при расчёте курса допустил погрешность, и мы отклонились от цели на несколько парсеков. Кок пересолил обед. Двое десантников неизвестно из-за чего подрались между собой. Капитан гневался по пустякам, и мы старались лишний раз не попадаться ему на глаза. Последний подарок Бетти - веточка - засыхала в обсидиановой вазе.

Капитан напрасно старался выйти на связь со звездолётом, увёзшим Бетти. Тот бесследно исчез, растворился среди мириад звёзд, канул в бездонную пропасть космоса. Может, он и благополучно долетел до своей планеты, а может быть, захваченный космическим вихрем, провалился в прожорливое нутро чёрной дыры...

Так или иначе, но мы не знали, как сложилась судьба нашей Бетти.

Не знали мы и того, что на тысячах планет, которые мы посетили за последние десять лет, уже проклюнулись из земли и быстро тянулись вверх неисчислимы полчища беттилиусов. Мы ещё не знали, что эти самые беттилиусы, кроме всего прочего, размножались путём спорообразования, и, следовательно, наша очаровательная притворяшка не просто так

весело резвилась на зелёных лужайках чужих планет. Мы не знали, что этот новый мутирующий вид «умных деревьев» быстро изменит состав атмосферы на всех планетах, где так удачно наследила Бетти, и они станут непригодными для жизни людей.

Мы ещё не знали, что в самом дальнем углу оранжереи, в непроходимых дебрях тропических растений, насмешливо лопоча на неведомом нам языке, подрастали и строили свои планы воинственные и безжалостные наследники нашей Бетти.

ДЖЕММА

Хэмфри с любопытством смотрел в экранированный иллюминатор. Внизу медленно разворачивалась панорама каменистой, безжизненной пустыни, лишь иногда оживляемая цепями гор и холмов. Ни кустика, ни деревца, ни крохотного озера.

- Садимся! - прокричал Билли, и корабль с грохотом и воем ухнул вниз, навстречу планете.

После посадки они полчаса сидели и ждали, пока уляжется стена непроницаемой жёлтой пыли и станет видна высокая белая башня радиомаяка с крохотным кирпичиком домика, примостившегося у её подножия.

Выглянув в проём люка, они увидели бегущую от маяка фигурку, радостно размахивающую руками. Билли, привыкший за годы работы к подобным сценам, спокойно уселся на пыльный валун и, прислонясь спиной к амортизатору, закурил.

Подбежавший Стив вцепился руками в трап, будто корабль собирался улететь тотчас и без него. Хэмфри представился. Стив изобразил на лице некое подобие улыбки.

Втроем они перенесли в домик контейнеры с продовольствием, потом Стив повел Хэмфри осматривать маяк и принимать дела. Официальная процедура заняла совсем немного времени, и после того, как они оба расписались в журнале дежурств, Хэмфри всё же поинтересовался притворно-безразличным тоном:

- Ну, а как тут вообще?

Стив передернул плечами и посмотрел прямо в глаза новому дежурному:

- Я больше сюда - ни ногой! Ни за какие деньги!..

Хэмфри посчитал неудобным спрашивать о причинах, побудивших Стива досрочно подать рапорт о замене, тем более, что сходные ситуации хоть и редко, но всё же случались. Руководство Космической Службы всегда шло навстречу подобным просьбам.

Потом они устроили скромный прощальный ужин, и уже в сумерках Хэмфри проводил Стива и Билли до корабля. Многотонная громадина загрохотала, окуталась раскалённым дымным облаком и с воем ушла в зенит, оставив Хэмфри среди унылой жёлтой пустыни.

Ну, вот и все! На долгие одиннадцать месяцев эта непримечательная планетка, удаленная от основных космотрасс, станет его домом, кусочком его жизни. Зато потом...

Хэмфри ясно видел, что будет потом. Когда в Космослужбе срочно искали замену дежурному на радиомаяке А-ИКС-3478/2, то предлагали довольно приличную сумму. Правда и срок дежурства был внушительный: пять месяцев, не отработанных Стивом и шесть - основного договорного срока. Но что такое эти месяцы, если потом он будет сказочно богат и сможет себе позволить кое-что, о чём ранее и не мечтал. Да плевать ему на эту пустыню! Потерпим!

И все же, если бы хоть одно деревце...

Шли дни. Неслись в пространство сигналы радиомаяка. Скрипел под ногами жёлтый песок. Восходы и закаты были весьма однообразны. Билли залетит сюда на исходе пятого месяца, оставит контейнеры и снова улетит на полгода, до окончания срока.

Каждый день Хэмфри с утра бродил по башне маяка, проверял аппаратуру. Потом, сидя за пультом, вслушивался в голоса Большого Космоса и делал записи в журнале дежурств. А поскольку вокруг ничего не происходило, то и записи были похожи одна на другую. Затем он готовил еду. Читал книги. Смотрел фильмы.

К концу первого месяца он собрал удивительную коллекцию камней и сделал потрясающие фото закатов. Иногда здешние закаты были необыкновенными, словно на планету вдруг накатывало вдохновение и она творила такое, что не находилось слов.

К концу второго месяца на вездеходе он исколесил добрую половину планеты и вдоволь налюбовался однообразными пейзажами.

К концу третьего появилась обычная скука. Ничего не радовало и всё буквально валилось из рук.

Однажды, лёжа в тени вездехода, Хэмфри подумал, что ему осталось совсем недалеко до бедняги Стива. Не вставая с горячего песка, он протянул руку в кабину и достал термос с водой. Отпив несколько глотков, плеснул немного жидкости на песок.

- Ты даже не знаешь, что такое вода, - пробормотал он, завинчивая крышку и глядя, как песчинки впитывают влагу.

Через несколько дней, к своему удивлению и ужасу, неподалеку от маяка, в долине, он обнаружил

крохотное озерцо. Электронный сейсмограф не зарегистрировал никаких сдвигов в коре планеты, которые могли бы способствовать выходу на поверхность подземных вод. Дождей тоже не было по причине абсолютного отсутствия туч.

Всю ночь Хэмфри просидел на берегу, глядя, как в спокойной глади озера отражаются чужие созвездия.

К утру озеро увеличилось, противоположный берег исчез за горизонтом, тяжело заплескались волны и ветер стал доносить рокот прибоя.

Вечером пошел дождь.

Хэмфри заперся в домике и, вслушиваясь в непогоду, старался унять в душе необъяснимый страх. Ночью у него был сильный жар и до рассвета он провалялся в каком-то полубредовом состоянии, но к полудню всё же собрался с силами и поплёлся к новоявленному морю.

Ветер гнал чёрные тучи и сквозь разрывы между ними на крохотные мгновения проглядывало ослепительно яркое солнце. Господи, неужели все это результат тех нескольких капель, выплеснутых на песок? Может, всё-таки подземные воды? Может, старенький сейсмограф хандрит? А впрочем, какая разница: великая пустыня или великий океан? Пахло морем, совсем как на Земле. Хэмфри растянулся на влажном песке, прижимаясь горячим лбом к прохладным камням.

Ночью ветер стих. При свете звёзд и двух крошечных лун Хэмфри рисовал на песке диковинных рыб, а волны мягко слизывали изображения, оставляя после себя полосы белой пены.

Совсем как дома.

Когда он проснулся, то почувствовал себя значительно лучше. Жар прошёл, лишь немного кружилась голова, да ломило спину от жёсткой песчаной постели.

Большая серебристая рыба лениво покачивалась в воде у самого берега и таращила глаза. Хэмфри нашарил рукой камешек и бросил его в воду. Рыба плеснула хвостом и ушла в глубину. И тут же небольшая стайка перламутрово-розовых рыбок деловито проплыла перед изумлённым Хэмфри. Он ущипнул себя за ухо и медленно посчитал до пятидесяти. Розовые рыбки неторопливо развернулись и поплыли в другую сторону.

- Ах, ты так!.. - пробормотал он, опускаясь на колени. Страшная догадка промелькнула в мозгу... Дрожащей рукой он нарисовал на влажном песке неуклюжую, кривую пальму и мысленно представил её. Через несколько мгновений неподалеку от него взметнулась ввысь приличной высоты пальмочка.

Хэмфри потрогал ее рукой. И стал рисовать кипарис.

Он остановился только тогда, когда уже весь берег был засажен немислимыми растениями. Ботаник из него был никудышный, и потому было затруднительно определить, что же такое он вырастил.

Продравшись сквозь густые заросли неведомого кустарника, уставший Хэмфри направился к Станции. Спать, спать...

На следующий день, с утра пораньше, он забросил в кабину вездехода каталоги с изображениями представителей флоры и фауны Солнечной системы и

поехал вдоль побережья вглубь планеты. В библиотеке Станции были каталоги разных планет, но Хэмфри решил, что это будет чересчур.

К концу четвертого месяца он вышел утром из домика, улыбнулся и сказал:

- Ну, вот и все! Теперь займёмся мелкими отделочными работами.

Мягкий ласковый ветер доносил до него шум волн и крики чаек. На востоке стеной - дремучий лес. По небу плыли удивительной красоты облака, а над Станцией, укрывшейся в уютном зелёном оазисе, весело горланили птицы.

Автоматический спутник сделал снимки обновлённой планеты, и вскоре перед Хэмфри лежала подробнейшая стереокарта. Оставалось только дать названия всем этим рекам, морям, долинам и горным цепям.

И, тем не менее, он ещё многое изменил, стараясь добиться наиболее благоприятного сочетания флоры и фауны, применительно к местным условиям. Он ощущал себя одновременно и всемогущим богом, и ребенком, заполучившим в руки удивительную и таинственную игрушку.

Он дал планете имя Джемма. Так звали его девушку, оставшуюся на далекой Земле. Хэмфри вдохновенно творил, рисуя и воображая. Планета создавала вполне реальные вещи. Это был лучший творческий тандем в истории Космоса.

Больше всего Хэмфри поражала удивительная способность животных и растений с разных планет спокойно сосуществовать на Джемме. А ведь юпитерианский плосконог моментальнодохнет за предела-

ми своей планеты, марсианские кошки теряют нюх, попадая в земной зоопарк, а что творится с меркурианским камнеедом в других условиях, и вспомнить страшно.

Хэмфри был счастлив. Еще бы! Ведь за день до прилёта рейсового корабля его поцарапал тигр, выскочивший из густых зарослей венерианского можжевельника. Зажимая кровотокающую рану, Хэмфри ликовал. Вокруг всё было настоящее!

Когда он громко смеялся, в высоких кронах деревьев вибрировал ветер. Это в ответ смеялась Джемма.

Вечерами он подолгу сидел на пороге домика и разговаривал с планетой. Она отвечала ему дуновением ветра, ароматом цветов и пением птиц.

В последний день пятого месяца на посадочную площадку опустился рейсовый корабль. Хэмфри бережно подхватил у трапа обмякшее тело пилота и опустил на траву у края площадки.

Билли с усилием приподнялся на локтях:

- Я двое суток не спал. Попал в метеоритный поток, защитный экран левого сектора не сработал и чуть потрепало обшивку. Во время ремонта шёл на малой скорости, а потом нагонял, чтобы уложиться в график. Устал... Перед глазами какая-то зеленая плесень...

- Может, немного поспишь? - заботливо спросил Хэмфри, отгоняя от Билли назойливых бабочек.

- На обратном пути отосплюсь, - Билли с трудом встал и направился к ракете. - Давай выгружать контейнеры.

- Мне совсем худо, - сказал он через некоторое время, оседая в траву возле кучи контейнеров. - У меня уже галлюцинации. Я вижу и слышу птиц...

Контейнеры погрузили в большой вездеход, и Билли решительно направился в сторону леса, миражом стоящего вокруг площадки. Налетев на дерево, которого здесь быть не должно, он выругался, потёршибленное плечо и, сорвав с ветки пару листочков, подозрительно поглядел в сторону безмятежного Хэмфри. Тот спокойно возился у вездехода, что-то напевая и не обращая внимания на растерянного пилота. Но когда Билли сунул ему под нос сорванные листочки и попытался что-то сказать, Хэмфри вдруг приложил палец к губам, призывая к молчанию. Где-то неподалеку в роще, невидимая глазу, заливалась серебряной трелью птица.

- Она очень редко поет, - шёпотом сказал Хэмфри. - Я даже не знаю, как она выглядит.

Билли молча выслушал всю исповедь творчества Хэмфри. Стущались сумерки. Они сидели на пороге домика, один - бесконечно счастливый, другой - растерянный и испуганный.

- Тебе лучше уехать отсюда, Хэм, - Билли с тревогой поглядел по сторонам. - Не нравится мне всё это.

- Это? Не нравится? Вот это? - удивлённо спросил Хэмфри, обведя рукой вокруг.

- Мне не нравится, что она копается в твоих мозгах. Стоит тебе только захотеть - и она тут же это создает.

- А я больше уже ничего не хочу, - ответил Хэмфри. - Я доволен всем. Остальное - её рук дело.

- Рук... - прошипел Билли, стряхивая с рукава комбинезона большого чёрного жука, числящегося в каталоге под названием «Черная смерть». Эти проклятые твари истребили на Венере не одну экспедицию, против них люди были практически бессильны.

- Не бойся, этот не опасен, одна видимость, - успокоил пилота Хэмфри. - А я вчера нашёл птичье гнездо. Они уже сами размножаются. И я тут совершенно ни при чём.

Совсем стемнело. Две луны только начали подниматься из-за дальних гор. В лесу рычали вышедшие на охоту хищники... Ушли совы. Над Станцией плавно пролетел огромный марсианский птеродактиль. В высокой траве прошуршал и скрылся полосатый венерианский удав. На дорожке замер, притворяясь булыжником, пугливый камнеед.

- А ты не боишься, что вся эта нечисть сожрёт тебя?

- Я не хожу ночью по лесу. А днём езжу на везде-ходе и с оружием. Конечно, немного опасно...

- Ну, ты даешь! - воскликнул Билли. - Неужели эта планета не может тебя защитить?

- А я ей и не говорил, что боюсь. Самой же ей подобная мысль, очевидно, не приходила.

- Ты рёхнулся! Ты что такое говоришь? - Билли просто выходил из себя. - «Не говорил», «мысль не приходила»... Какая мысль? И как она ей придёт? Это же просто кусок камня, попавший в особые пространственные условия, это просто космическое излучение, в конце концов, обыкновенное гипнотическое воздействие на твою глупую башку! Да я таких миражей за всю жизнь знаешь сколько видел?

Хэмфри закатал рукав комбинезона, посмотрел на свежие шрамы от когтей тигра и покачал головой:

- Нет. Она живая.

Он встал, и пристально взглядываясь в темноту ночи, сказал:

- Ты меня слышишь, Джемма?

Билли посмотрел на него с сожалением и вздохнул. Но секундой позже за углом домика взвыл ветер и маленький смерч прокатился по двору, увлекая за собой листья и жёлтую пыль. Стал громче шум далёкого прибоя, и с луга, пестревшего цветами, накатила такая волна запаха, что оба человека на мгновение задохнулись.

- Вот так она разговаривает! - Хэмфри торжествующе посмотрел на пилота.

Билли всё же согласился переночевать в помещении Станции, и поутру Хэмфри пошёл проводить его до корабля. Пилот постоянно озирался и вздрагивал при каждом звуке. На противоположном углу посадочной площадки, примыкающей к опушке леса, стояли несколько тигров, принюхиваясь к запаху вполне реальной добычи.

- Кажется, ты перестарался, - сказал Билли, свешиваясь из люка. - Неужели без хищников было нельзя?

Заревели двигатели. Тигры с достоинством скрылись в кустах.

Через месяц прилетела Особая Комиссия по расследованию космических ЧП. Информация, которую сообщил Билли, была настолько любопытна, что экспедицию организовали моментально.

Хэмфри искренне поведал обо всем, не утаив ни одной детали.

Председатель Особой Комиссии, побледнев от волнения, нарисовал на прибрежном песке пальцем кривую пальмочку.

На песке ничего не выросло.

Межпланетный корреспондент, аккредитованный Службой Информации Солнечной Системы, изобразил на берегу веселого чёртика. Все затаили дыхание, глядя на песок. Чёртик не ожил.

В течение нескольких часов члены Особой Комиссии ползали по жёлтому песочку, как дети, и вдохновенно чертили пальцами разные фигурки. Но ничего не происходило.

Наконец члены Особой Комиссии поднялись с колен, отряхнули песок и многозначительно переглянулись. Хэмфри упал на взрыхленный рисунками песок и торопливо нарисовал чайку. Планета упрямо молчала. Хэмфри поднял вверх растерянное лицо и прочитал в глазах соплеменников свой приговор.

- Голубчик мой, - ласково сказал председатель, - я вас понимаю. Полгода одиночества на краю Галактики. Да тут может что угодно прийти в голову! Пустыня вам просто померещилась, эта планета всегда была такой прекрасной, такой зелёной. Но вы не волнуйтесь, вам срочно пришлют замену.

- Мне не нужна замена! - воспротивился Хэмфри. - Я хочу остаться тут до конца срока.

Члены Особой Комиссии повздыхали, покачали головами, сорвали на память по веточке сосны и отбыли.

Вскоре прибыл большой транспортный корабль, привёзший космодесант для срочного освоения планеты и нового дежурного на маяк.

И началось.

Десантники в один момент преобразили окрестности маяка и начали осваивать остальную территорию планеты. На берегу моря выросли ажурные корпуса санатория, за лесом, в долине, расположились несколько не-больших заводиков. По берегам рек, кишачих рыбой, построили красивые коттеджи для будущих переселенцев. Из леса слышался вой электронных пил - там срочно вырубали просеки для автострад. Громкий взрыв сообщил о строительстве туннеля.

Дэн, новый дежурный, возвращался с прогулки, таща на плече убитую лису, и Хэмфри показалось, что застывшие черные бусинки звериных глаз смотрят на него с укором.

На побережье построили роскошный порт.

Самый мощный и красивый вулкан планеты нейтрализовали, бросив в кратер парочку аннигиляционных бомб. Был издан приказ об уничтожении хищных животных и создании парков и заповедников.

Новая Космическая Ривьера готовилась к торжественному открытию.

Дэн поймал райскую, редко поющую птицу и посадил в клетку. Невесть откуда прилетевшие космотуристы-дикари, разбившие лагерь у озера, горланили песни и доедали шашлык из доверчивого оленя, ещё вчера гулявшего по лесу.

- До сих пор не понимаю, почему он свихнулся? - сказал Дэн, сбивая метким выстрелом белую ворону. - Такой рай вокруг!

Бывшего дежурного называли теперь не иначе, как безумный Хэмфри. Ещё бы! Ведь он утверждал, что сам, своими руками создал всё вокруг: моря, леса, горы и тварей, которыми кишит планета. Мало того! Недавно он сказал Дэну, что собирается всё это уничтожить.

Дэн повертел пальцем у виска и приказал пилотам, чтобы они до самого отлёта не спускали глаз с этого психа.

Транспортный корабль загружали образцами породы, чучелами, а также живыми зверями и птицами, ценной древесиной и прочей вещественной информацией. Экипаж не очень торопился, поскольку ни у кого не было желания пораньше отбыть из этого рая.

Пилоты хотели заблаговременно запереть Хэмфри в каюте, но бывший дежурный вырвался из их рук и скрылся в лесу. Пилоты не рискнули последовать за ним.

Всю ночь Хэмфри бродил по лесу, совершенно безоружный, напрочь забывший про хищников, пытаясь заговорить с планетой.

Джемма упрямо молчала.

Сейчас он и впрямь походил на безумного, ибо пытался заговорить с огромной каменной глыбой, несущейся в черноте космоса.

Он умолял, просил, выйдя из себя, срывался на крик, в отчаянии колотил руками по земле, вырывал траву, ломал кусты...

Джемма молчала.

Наконец он, совершенно обессиленный, опустился под деревом.

- Я завтра улетаю. Совсем...

Может, ему показалось, что листья над головой зашелестели чуть громче?

Мысленно он представил себе, а потом вслух нарисовал ей жуткую картину её собственной гибели в очень недалеком будущем: вырубленные рощи, дымящие заводы, железные руки плотин на горлах рек, зоопарки для зверей, вытопанные цветочные поляны...

Порыв ветра донёс до него густой запах фиалок.

- Послушай, - тихо сказал он, - разве нам было плохо вдвоём?

С ветвей сорвалась стая испуганных птиц.

- Неужели ты не можешь понять, как это делается? - отчаянно вопрошал Хэмфри. - Вспомни, какой ты была тогда!..

Злобное завывание ветра пронеслось над кронами деревьев.

- Не хочешь вспоминать! - заорал Хэмфри, с треском ломая зелёную ветку. - Не хочешь! Будешь! Будешь вспоминать! Ты меня попомнишь! Я тебе устрою райскую жизнь! Кем бы ты была без меня? Дрянь! Ты просто кусок камня! Ты - песок! Ты - холод! Ты - ничто! Ты...

Вцепившись руками в ствол дерева, он с трудом выдержал мощный порыв ветра.

- Ага! Проняло! Вспомнила! - кричал он, задыхаясь.

Ураган повалил огромное дерево, и Хэмфри еле увернулся от падающей на него громадины. Хлынул ливень. Загрохотало, засверкало, загудело во круг.

Продолжая выкрикивать оскорбления, ликующий Хэмфри пробирался сквозь бушующий ад. Споткнувшись о вывороченные из земли корни, оглушённый рёвом урагана, ослепший от потоков воды, он упал и, ударившись головой, потерял сознание.

Очнулся он от яркого света. Высоко в сером безоблачном небе полыхало ослепительное солнце. Бледные пилоты трясли его за плечи, пытаясь привести в чувство.

Хэмфри сел, потрогал разбитый о камни лоб и счастливо улыбнулся. Вокруг был песок. На горизонте высились пики гор. Среди жаркой пустыни одиноко белела башня радиомаяка. Всё! Наваждение кончилось!

- Скорее! - торопили его пилоты, - немедленно улетаем! Тут такое началось вчера вечером!..

- Что началось? - переспросил Хэмфри, с трудом вставая на ноги.

- Это самое... - пилоты явно не находили слов.
- Дикая планета! Всё уничтожилось за одну ночь! Один только маяк остался...

- Счастливо улететь, - Хэмфри стал медленно пятиться. - Летите, ребята. Я остаюсь. Ведь надо кому-то дежурить до конца срока.

Пилоты посоветались и пошли к кораблю. Иного выхода не было. Дэн лежал без сознания в медпункте корабля, так как ночью угодил под обвал

в горах, где по привычке охотился за редкими животными.

После отлёта корабля Хэмфри, забравшись на вершину башни, с радостью обозревал великолепную в своем однообразии каменистую пустыню. Разбушевавшаяся Джэмма уничтожила даже творения человеческих рук, постройки и объекты. Всё разметала на атомы, даже следа не осталось. Лишь людей не тронула. Правда, без синяков и лёгких травм явно не обошлось, но космодесантники - ребята крепкие, и за время возвращения вполне поправятся.

Джемма лежала перед ним тихая и покорная. Вроде и не было ничего. И если бы не эти белые шрамы от когтей тигра, эти великолепные шрамы, выглядывающие через разорванный рукав комбинезона...

Наутро он встал бодрый, выспавшийся и приступил к своим привычным обязанностям дежурного на радиомаяке.

Шли дни. Недели.

Когда после трудового дня ему хотелось искупаться в море, он мысленно приказывал Джэмме соорудить в долине небольшое озеро и с наслаждением плескался в волнах. Когда ему хотелось прогуляться в лесу, она окружала его невысказанной красоты деревьями и стелила ему под ноги тончайшую шелковистую траву. Она хорошо усвоила прежние уроки. Однажды Хэмфри представил себе ту самую, запертую в клетке, райскую птицу, и клетка мгновенно материализовалась на окне. Птица глядела на Хэмфри глазами полными тоски. Он торопливо распахнул дверцу и птица, радостно вскрикнув, вылетела в окно.

Тотчас же исчезли и клетка, и улетающая птица, подчиняясь воле Хэмфри, и он был счастлив, ибо знал, что в том, неведомом и невидимом мире Джеммы эта птица теперь на свободе.

- Ты прости, - сказал он планете, - но я уже не смогу вернуть всех пойманных, застреленных, съеденных тогда...

Им и вправду было очень хорошо вдвоём.

В последний день одиннадцатого месяца прилетел Билли.

- Собирайся! - весело закричал он, выглядывая из люка. - Кончились твои мученья! Домой! Слушай, старик, а куда ты девал этот свой Эдем? Я бы не прочь искупаться в море!

Из-за плеча Билли выглядывала мрачная физиономия Дэна. Этот тип явно имел виды на Джемму.

Выпрыгнув из люка, Дэн первым делом нарисовал на песке изображение мыши. Мышь не ожила и Дэн с насмешкой посмотрел на Хэмфри.

- Создатель... - пробормотал Дэн, на всякий случай стирая ногой изображение.

Билли подтащил к отверстию люка первый контейнер. Взялись за разгрузку.

После соблюдения всех необходимых формальностей и передачи полномочий новому дежурному, Хэмфри, наконец, оказался в кабине рядом с Билли. Дэн стоял на краю посадочной площадки весь увешанный оружием.

Заревели, набирая обороты, двигатели и лёгкая вибрация начала сотрясать корабль. Замигали огни

на пульте, пошёл обратный отсчёт, и на экране появилась надпись «Взлёт».

Корабль стоял, как вкопанный. Билли пожал плечами, пощёлкал тумблерами и увеличил мощность. Они оба оглохли от воя двигателя, но амортизаторы не оторвались от поверхности ни на дюйм.

- Придётся ложиться в антигравитационные камеры! - прокричал Билли. - Будем взлетать на аварийной системе! Иначе нам не оторваться! Дюзы разорвёт!..

Хэмфри с трудом дотянулся до пульта и нажал на кнопку. Гул двигателей стал затихать. Отстёгивая ремни, Хэмфри посмотрел на растерянного Билли.

- Не надо, - сказал он пилоту. - Мы никогда не взлетим. Это она не отпускает меня... Прощай, Билли!..

Снаружи грохотала песчаная буря, и корабль вздрагивал под ударами ветра. Хэмфри застегнул скафандр, опустил стекло шлемофона, распахнул люк и, как в пропасть, ринулся вниз, в крошечный песчаный ад.

Его перевернуло в воздухе, швырнуло о землю, проволокло и больно ударило о большой валун. Хэмфри обессиленно привалился к нему спиной. Цел. Вот только колено... Наверно, будет большой синяк. Он улыбнулся, поднял стекло шлемофона, потянул вниз застёжку скафандра.

- Ну, всё, всё, не сердись. Я остаюсь...

Ветер стих, и он, прихрамывая и опираясь на предложенную Джеммой тросточку, медленно, не оглядываясь, сквозь тучи оседающей пыли, медленно пошёл к радиомаяку.

Коношенко Светлана Аркадьевна

Родилась в 1953 году в пос. Ключевский Читинской области. После окончания Московского техникума советской торговли много лет работала бухгалтером.

В Крым приехала в 1976 году. Проживает в с. Чистополье близ Керчи.

Пишет стихи, прозу. Публиковалась в журналах: «Сибирь» (Иркутск), «Надежда» (Минск), «Радуга» (Киев), «Фанданго» (Симферополь);

в коллективных поэтических сборниках: «Ручьи» (Симферополь), «Неопалимая купина» (Днепропетровск), «Славянские колокола» (Сумы), в альманахе «Лира Боспора» (Керчь); в коллективных сборниках фантастики: «Иноголовые» и «Расщепление душ» (Минск).

В 1998 г. Издала авторский поэтический сборник «Эхо тишины» (Симферополь).

С 1999 является редактором-составителем коллективного поэтического ежегодника «Прекрасная гавань» (Черноморский район).

Литературно-художественное издание
Коношенко Светлана Аркадьевна

«Провинция ZERO»
Стихи и проза

на русском языке

Редактор: Вдовенко А. Н
Компьютерный набор: О. Недохлебова,
Т. Левченко
вёрстка, дизайн, корректура: Т. Левченко

фото на обложке: Людмила Горбунова,
Виталий Урсу, Валентина Березина

Формат 84x63 1/32. Заказ № 57
Бумага офисная Печать цифровая.
Усл.-печ. л. 2,5. Тираж 100 экз.
Дизайн, макет: Татьяна Левченко,
«Керченское городское литературное
объединение «Лира Боспора»

